

Такаббир

**ТРОН
ЗНАНИЯ**

Книга 1

16+

Такаббир Кебади
Трон Знания. Книга 1

«Автор»

2015

Кебади Т. Э.

Трон Знания. Книга 1 / Т. Э. Кебади — «Автор», 2015

Привычная жизнь престолонаследника Адэра Карро резко меняется после того, как великий отец назначает его правителем нищей колонии. Кутежи и попойки остаются в прошлом. Адэр пытается поднять страну с колен, но древние народы не признают правителя, назначенного их захватчиком. Они ждут истинного короля. И только простолюдинка, обладающая таинственными способностями, готовая на жертвы и способная на подвиги, верит в Адэра всем сердцем. Ему предстоит сделать самый важный выбор в своей жизни... Что же победит? Гедонизм или долг? Эгоизм или сострадание? И что выберет Адэр — любовь или трон?

© Кебади Т. Э., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Часть вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Такаббир Кебади

Трон Знания. Книга 1

Моим дочерям посвящается

Пролог

В стране объявили траур.

Люди посмотрели на траурные флажки, которые за двадцать лет успели поистрепаться и выгореть, и поспешили по своим делам. Никто не помолился об усопшем, не проводил его в последний путь, не помянул покойного добрым словом. Народ сбился со счёта, сколько наместников иноземного правителя ушло в лучший мир, не оставив в памяти ни имени, ни отпечатка.

В давние времена эта страна носила другое название. Когда-то летописцы сохраняли историю о славных делах и подвигах предков. Но мятежные потомки сожгли летописи, отреклись от прошлого и дали родине новое имя – Порубежье.

Долгие годы страна переходила из рук в руки. На трон карабкались и знатные роды, и не столь именитые фамилии. Их петушиные бои и мышиная возня утомили правителя соседней державы, и Моган Великий – король могущественного Тезара – превратил Порубежье в колонию.

Как правило, наместником назначали человека в годах. Его замена проходила быстро. В этот раз лоскутки скорби исчезли с домов, а сообщения о новом ставленнике Великого всё не было. Ранее равнодушный и ко всему безучастный народ разволновался: не задумал ли Моган бросить их страну на произвол судьбы?

Часть первая

~ 1 ~

Дворец готовился к балу: хлопали двери, звенела посуда, оркестр настраивал инструменты. Но в зале Совета царило далеко не праздничное настроение. Советники с пеной у рта пытались протолкнуть своих протеже на пост наместника в Порубежье.

Моган Великий – статный, синеокий, с переливчатой волной золотых волос и лёгкой сединой в короткой бороде – смотрел на неподвижный маятник старинных напольных часов. В пылу словесного сражения никто не заметил поникших плеч короля, его рук, устало лежащих на подлокотниках кресла, его отстранённого взгляда. Не заметил никто, кроме старшего советника Троя Дадье.

– Великий, – тихо сказал Трой.

Вынырнув из раздумий, Моган придвинул к себе список.

Среди претендентов на доходную должность никогда не было молодых дворян и дворян средних лет. Те и другие не хотели надолго оставлять своих жён и детей и не желали везти их в Порубежье: условия жизни в колонии были непригодны для существования цивилизованного человека. Собственно, об этих условиях никто не радел. Порубежье – сырьевой придаток, территория для размещения вредного производства. Чем ниже уровень жизни, чем хуже условия труда, тем дешевле рабочая сила. Суть политики Тезара, проводимой в колонии, оставалась неизменной на протяжении двадцати лет и привела к экономическому рабству присвоенной страны и духовному упадку её населения. В такой стране не место благородным дамам и любимым чадам.

Зато престарелые дворяне выискивали среди советников покровителей, осыпали их обещаниями и дарами и молили Бога, чтобы должность наместника в Порубежье досталась им. Здесь, в Тезаре, они всего лишь госслужащие в отставке, которым суждено прозябать в загородных имениях, водиться с внуками и писать мемуары. А там, в колонии, они царьки.

Моган пробежал взглядом по строчкам. Любой из претендентов достоин победы. Но только не сегодня! Решение принято, но до сих пор терзали сомнения – не допустил ли он ошибку?

– Обсуждение продолжим завтра, – сказал Великий и отложил список.

В зале повисла тишина. Трой Дадье поднялся с кресла, подошёл к напольным часам. Узкий в плечах, тонкий в кости, с седыми лохматыми волосами, он больше походил на суфлёра, чем на старшего советника. Если бы не баснословно дорогой костюм, можно было решить, что сухопарый старичок случайно забрёл во дворец, перепутав его с театром.

Трой перевёл стрелки, подтянул гири.

– Ещё немного, и Порубежье забудет, что у него есть хозяин, – произнёс он и толкнул маятник; раздался отчётливый стук.

В углу зала из-за письменного стола поднялся молодой дворянин: высокий, слегка полноватый, с непослушными русыми волосами и глазами чайного цвета:

– Ваше величество! Прошу слова!

Советники опешили. За сорок лет правления Могана это был первый случай, чтобы на заседании государственных мужей заговорил слушатель Совета.

Всегда спокойный и сдержанный Трой резко повернулся:

– У вас нет права голоса.

Дворянин одёрнул чёрный пиджак, сшитый по последней моде:

- Великий! Прошу слова!
- Напомните своё имя, – сказал Моган.
- Маркиз Вилар Бархат, ваше величество.

Великий посмотрел на оцепеневшего Суана Бархата. Кто бы мог подумать, что у самого безупречного советника такой бесцеремонный сын?

- Слушатель Совета не участвует в обсуждении вопросов. Вас не предупредили?
- Предупредили, ваше величество, – ответил Вилар. – Я знаю, что нарушаю правила. И знаю, чем мне это грозит, если мои слова окажутся недостойными вашего внимания.
- Подойдите, – приказал Великий и, когда молодой маркиз приблизился к круглому столу, коротко кивнул. – Мы слушаем.

Вилар поклонился:

- Ваше величество! Назначьте наместником Адэра Каррб.

Моган сжал подлокотники кресла. Смелчак и смутьян озвучил решение, которое уже несколько дней мешает вздохнуть полной грудью.

- Продолжайте.
- Вы авторитетный и влиятельный правитель. За вами никто не видит вашего сына. Когда человек долго находится в тени, он привыкает к этому и ни к чему не стремится. Дайте Адэру возможность почувствовать свою силу. Дайте ему право самому принимать решения и отвечать за свои поступки. Разрешите ему выйти из вашей тени и занять место рядом с вами.

Великий рассматривал молодого маркиза. Сын рядового советника жаждет знаний, стремится постичь науку управления, мечтает стать достойной сменой отцу. А сын короля? Моган перевёл взор на пустующее кресло, стоящее по левую руку. Прочь сомнения! Безделье и правитель – понятия несовместимые.

- Я услышал вас. Можете уйти.

Вилар расправил плечи, приподнял подбородок:

- Великий! Если вы назначите Адэра Карро наместником, разрешите мне поехать с ним.

Моган жестом приказал Вилару удалиться, с чрезмерным спокойствием сложил бумаги в стопку и без единого слова покинул зал Совета.

- Это как понимать? – произнёс сухой, как палка, и прямой, как трость, советник Патрик Каналь. – Король принял решение или нет?

Трой вернулся к столу:

- Думаю, да.
- Это какой-то абсурд!
- Решения короля не обсуждаются.
- Обсуждаются! – Каналь с трудом перевёл дыхание. – Обсуждаются, когда наследника престола великого Тезара низводят до заурядного наместника и собираются отправить в какую-то глушь. И с чьей подачи? А? Я вас спрашиваю: с чьей подачи? Вместо того чтобы выставить наглеца за дверь...

- Осторожнее, Каналь! – откликнулся Суан Бархат. – Вы говорите о моём сыне.
- Да кто он такой, ваш сын, чтобы давать советы Великому?
- Вы ещё можете остановиться.

Каналь хлопнул ладонью по столу:

- Могу! Могу, но не хочу!

Бархат сложил на груди руки, изогнул дугой седую бровь. В бронзовых, потускневших, как старые подсвечники, глазах сверкнула смешливая искорка.

- Хватит ломать комедию. Вы мечтаете заполучить престолонаследника в зятя. Его отъезд рушит ваши планы. Разве не так? Вы боитесь, что Адэр забудет вашу дочь. Здесь она каждый день в поле его зрения, а там...

Каналь побагровел.

– И почему вы думаете, что слова моего сына повлияли на решение короля? – продолжил Бархат. – Великий всё решил без нас, он просто тянул время. Возможно, не хотел портить Адэру праздник. Или наоборот, хочет преподнести ему памятный подарок.

Повисло тягостное молчание, прореженное стуком маятника напольных часов.

– Объявляю заседание закрытым, – произнёс Трой.

– Ваша светлость! – воскликнул Каналь. – Сделайте что-нибудь!

– Что, например?

– Поговорите с Адэром.

– О чём? О чём говорить с человеком, для которого праздные дни и ночи стали нормой жизни? К сожалению, время упущено, и командовать наследником престола не получится. Ему нужна хорошая встряска, чтобы в нём проснулся правитель, – сказал Трой и с присущей ему неторопливостью спрятал блокнот в папку с серебряным гербом Тезара. – Маркиз Бархат!

Суан вынырнул из раздумий:

– Слушаю, ваша светлость.

– Меня подкупила смелость вашего сына. Если ему понадобится помощь, он может на меня рассчитывать.

Бархат склонил голову:

– Благодарю, ваша светлость!

Порыв ветра распахнул окно и впустил в зал Совета шум столицы: тренькали звонки трамваев, сигналили автомобили, по мостовым цокали копыта лошадей, извозчики покрикивали на ротозеев и нетерпеливых водителей.

Трой посмотрел на мрачных коллег:

– Расходитесь, господа. И не забудьте на балу улыбаться. Хмуриться будете завтра.

Советники направились к выходу из зала.

Выйдя последним, Суан Бархат столкнулся с Каналем.

– Считаете, что ваш сын заполучил могущественного покровителя?

– А разве нет? – спросил Суан.

Каналь хохотнул и пошёл по коридору вальяжной походкой.

Стоя над обрывом, молодой человек рассматривал распростёртую внизу долину, похожую на бурливое море. Изумрудные травы покорно склонялись и вскидывались, повинаясь прихоти ветра. Шелковистые волны бежали к затянутому дымкой горизонту. Могучие деревья, как сказочные корабли, покачивали тяжёлыми кронами-парусами. Прячась в курчавой листве, зяблики исполняли гимн весне.

Человек устремил взор в небо – такое же тёмно-синее, как его глаза. Вынырнув из-за лохматой тучи, солнце озарило высокий лоб, ровный нос и твёрдый подбородок. Лучи заскользили по светло-пшеничным волосам, сбежали по величавой фигуре. Размытая тень распласталась пятном у крепких ног. На краю обрыва стоял сын Могана Великого, престолонаследник Тезара Адэр Каррб.

На обочине дороги возле сверкающего серебром автомобиля топтались его друзья: рыжеволосый Дамир и жгучий брюнет Стефан.

– Не опоздать бы на вечеринку, – произнёс Дамир.

– Не волнуйся, без именинника не начнут.

– Надеюсь. Но на месте Адэра проверять бы не стал.

– Ты не на месте Адэра, – грубо бросил Стефан.

– Разумеется. – Дамир постучал носком лакированного ботинка по колесу. – Нельзя так часто испытывать терпение отца. У терпения есть свойство иссякать.

– А что Великий сделает? Отменит бал? Как бы не так! – Стефан присел на капот, скрестил руки на груди. – Он дожждётся блудного сына и сделает вид, что ничего не произошло.

– Представляешь, каково ему?

– Хватит! – прикрикнул Стефан и понизил тон: – Решит Адэр проторчать здесь до вечера – я слова не скажу. Решит вернуться в замок Грёз – я поеду с ним. И плевать я хотел на бал. Мне всё равно, что предпримет Великий. А знаешь почему? Потому что я хочу стоять рядом с троном, на котором будет сидеть Адэр.

Дамир усмехнулся:

– Кто тебя туда поставит?

– Адэр и поставит.

– Зачем ему беспринципный лентяй?

Стефан сверкнул карими глазами:

– Знаешь, в чём твоя ошибка? Сказать?

– Ну, скажи.

– Ты думаешь, что безупречная репутация и усердный труд помогают человеку добиться в жизни многого.

– Не думаю – я в этом уверен.

– Ты так же недалновиден, как и Вилар. Бегаете, выслуживаетесь перед Троем Дадье.

Дамир вспыхнул:

– Мы не выслуживаемся.

– Тебя задело это слово? Хорошо, скажу иначе. Лебезите, лакейничаете, подхалимничаете, пресмыкаетесь. Выбирай любое. Когда Адэр придёт к власти, Трой Дадье исчезнет, а вместе с ним исчезнут его прихвостни. Их место займут люди, которые не заливают Адэру в уши нотации, а делают его жизнь ярче.

Взмахнув белёсыми ресницами, Дамир вздёрнул подбородок:

– Знаешь, в чём твоя ошибка? Сказать?

Заложив руки за голову, Стефан потянулся:

– Хочешь меня уколоть? Не получится.

– Ты недооцениваешь сына Великого. – Дамир посмотрел на часы и крикнул: – Адэр! Ты поставишь отца в неприятное положение, если опоздаешь на бал. Ты же не хочешь, чтобы десять тысяч гостей насмехались над монархом Тезара?

Адэр окинул долину тоскливым взглядом и направился к автомобилю.

Градмир – столица Тезара – был привычен к балам и приёмам. Отмечались государственные и религиозные праздники, знаменательные и не очень значимые события. Каждый год носители знатных фамилий собирались во дворце Великого на дне рождения наследника престола. Но столь грандиозного торжества в его честь, как в этот раз, никто не помнил.

Горожане и туристы заполнили дворцовую площадь с утра. Вечером стражи порядка оттеснили людей от парадной лестницы. К дворцу потянулась вереница автомобилей и конных экипажей. Зеваки встречали важных гостей аплодисментами и – пока дворяне поднимались по широким ступеням – разглядывали роскошные наряды и модные причёски.

Часы на смотровой башне пробили десять. Гвардейцы, облачённые в красные мундиры и чёрные фуражки, закрыли лакированные двери и отгородили мир для избранных от мира для всех.

В зале Приёмов звучали медоточивые голоса, звенели бокалы. Обмениваясь улыбками и любезностями, дворяне прохаживались по паркету из ценных пород дерева. Золотые лианы оплетали стены и заканчивались на потолке причудливыми завитками, в которых мерцали россыпи лампочек. Овальное зеркало в рамах, усыпанных драгоценными камнями, отражало свет, отчего казалось, что искрил и переливался сам воздух. Лёгкий ветерок вносил в распахнутые окна запах цветущих акаций.

Трой Даде стоял в стороне от праздной публики. Его никто не тревожил: желание поболтать со старшим советником Великого отбивал хмурый взгляд и сжатые в тонкую линию губы.

Из толпы вынырнул молодой человек.

– Приехал наследник, – сообщил он Трою и вновь растворился в толпе.

Трой посмотрел по сторонам. Старшая дочь Великого – Элайна – грациозно скользила между гостями, исполняя роль полноправной хозяйки. Намётанный глаз советника уловил смятение в её движениях, в том, как часто она поправляет на груди ожерелье из редкостного зелёного граната.

Трой пошёл к Элайне. Она двинулась ему навстречу немного быстрее, чем следовало. Замерла в полшаге.

– Адэр во дворце, – одними губами прошептал Трой.

Элайна в голос выдохнула. С благодарной улыбкой прикоснулась к локтю советника и вновь направилась к гостям.

По заведённым во дворце правилам король входил в зал Приёмов последним. Распорядители рассчитали время, за которое титулованные дворяне успевали обменяться новостями и подогреть знатную кровь вином. С точностью до минуты был определён момент, когда незаметно исчезали слуги, унося на подносах пустые фужеры. Возле главного входа вставал почётный караул. И гости растекались как две реки, освобождая центр зала.

На праздновании дня рождения наследника престола существовал другой порядок – Адэр появлялся после отца.

Поигрывая желваками, Адэр смотрел в окно. На дворцовой площади толкалась и шумела толпа в ожидании вина и угощений.

Личный костюмер Макидор, одетый по моде завтрашнего дня, – остроносые туфли, штаны с мотнёй на уровне колен, узкий пиджак на голом торсе, атласный платок на тонкой шее, – ползал у ног Адэра, выравнивая низ брючин.

Личный секретарь Гюст, совершенная противоположность своему господину – низкорослый, с торчащим брюшком и покатыми, как у женщины, плечами, – охрипшим от волнения голосом зачитывал список дворян, приглашённых на бал.

– Довольно, – произнёс Адэр. – Я всё равно их не запомню.

Выхватил из подрагивающих рук секретаря бумаги и, скомкав, бросил в угол.

Гюст вытащил из кармана сложенный вчетверо лист, расправил в местах сгибов и протянул Адэру:

– Это ваш ответ на поздравление Великого.

– Чем тебя не устраивает моя речь, которую я произношу каждый год?

Гюст соорудил виноватую гримасу:

– Ежегодное «благодарю» – это не совсем речь.

– А ежегодная проповедь – это не совсем поздравление.

В комнату заглянул слуга:

– Ваше высочество! Объявили Великого.

Перешагнув через костюмера и оттолкнув локтем секретаря, Адэр вышел из комнаты. Стоя перед помостом, он с вызовом смотрел на своего великого отца. Восседая на троне, Моган бесстрастно взирал на своего непутёвого отпрыска.

– Я помню твой первый крик, первый шаг, твоё первое слово...

Адэр изогнул бровь. Если кто-то до сих пор это помнит, то уж точно не отец. Скорее няньки, заменившие умершую мать.

– ...твою первую конную прогулку...

Адэр сузил глаза. Зачем отец кривит душой? Ведь это хранит в памяти только гувернёр.

– ...твой первый научный трактат.

Адэр хмыкнул. Этого не помнят даже учителя.

– Мы всю жизнь делаем что-то впервые, – понизив тон, проговорил Великий и ещё тише добавил: – Ты был чудным ребёнком.

Адэр приготовился услышать указания – как ему жить, к чему стремиться, – а отец погрузился в себя, и казалось, забыл, где находится. Гости несмело зашевелились. С озадаченным видом покосились друг на друга.

– За двадцать пять лет, как все успели заметить, ты вырос, – наконец сказал Великий.

Прозвучали тихие смешки и тотчас смолкли – на лице короля ни один мускул не дрогнул.

– В кресле наследника тебе уже тесно.

Адэр пошатнулся. Отец уступает ему престол?

– А посему я дарю тебе, мой сын, трон знания, власти и правления. Твори закон и верши правосудие, разрушай и созидай.

Великий обвёл изумлённых гостей тяжёлым взглядом, остановил его на сыне. За несколько коротких секунд Адэр сто раз пожалел, что не выучил ответную речь на поздравление отца.

– Отныне – ты правитель Порубежья.

Адэр вытянулся как струна. Сколько же стоило сил собрать мысли воедино, сколько же потребовалось напряжения, чтобы голос прозвучал громко и твёрдо:

– Благодарю.

~ 2 ~

Пока за окнами мелькали привычные для взора картины, внимание на них особо не задерживалось. Колосились поля, цвели сады, к небу тянулись трубы фабрик и заводов. Посёлки чередовались с городами. Завидев летящие по дороге автомобили с правительственными флажками на капоте, мужчины снимали кепки и шляпы, женщины приседали. Но окружающая безмятежность не радовала.

Спешные сборы в Порубежье походили на жалкие попытки привести себя в чувства. Адэр блуждал по дворцу словно в полудрёме, надеясь, что отец объявит о конце розыгрыша. А известие о том, что предложение о ссылке поступило от Вилара, окончательно выбило почву из-под ног. Адэр пытался понять, почему близкий друг действовал за его спиной как тайный враг, и не находил причин для предательства.

Вынырнув из размышлений, посмотрел на лежащую рядом тонкую папку с документами, ещё во дворце вложенную ему в руки кем-то из советников Великого. Пришло время ознакомиться с содержимым.

Первый лист. Почерк отца. Хорошего ожидать не приходилось, раз Великий писал сам, а не кто-либо из его бумагомарателей.

Скользя взглядом по строкам, Адэр мрачнел. Складывалось впечатление, что отцу надоело Порубежье, и он подарил ненужную игрушку сыну, но перед этим сломал в ней важный

механизм. С присущей ему сдержанностью выдвинул единственное требование: колония – теперь уже бывшая – в финансовых отношениях останется зависимой от Тезара. А значит, денежный поток, берущий начало в Порубежье, продолжит исчезать в казне Великого.

В конце документа после формул, расчётов и схем Адэр прочёл: «Плата за охрану границ».

Да, он получил право на самостоятельность в решении государственных вопросов. Но тут и дураку понятно: право на бумаге есть, но в реальности его нет и не будет, пока правитель не является полноправным хозяином казны.

Следующий лист, кем-то любезно вложенный в папку, гласил: Порубежье в основном граничит с Тезаром; несколько миль с Партикурамом; по одному пограничному посту с княжеством Тария и княжеством Викуна. Морскую границу оберегают подводные скалы. Адэр потёр переносицу. Напрашивался вопрос: Великий собрался охранять подаренную страну от самого себя?

Следующий лист сообщал: согласно международному закону необходимо в определённый срок сформировать Совет. Адэр вжался затылком в подголовник. Сзади едут Вилар, охранители, секретарь и личный костюмер, но не советники. Волынки затянули на душе унылый мотивчик.

Взгляд упал на последний документ. Спасибо доброму человеку, сложившему в папку бумаги: он словно догадывался, что у сына Великого короткая память. На заседаниях Совета Адэр зевал от скуки, на лекциях в университете играл в карты, наставников слушал вполуха и тут же всё забывал. Колония его не интересовала, как не интересовали государственные дела в целом. Он ни сном ни духом не ведал, о каком законе идёт речь. Не помнил случаев, когда кому-то дарили страну, и даже не предполагал, что такое возможно. Поэтому решил, что отец его разыгрывает.

Адэр лихорадочно просматривал текст, перескакивая через строки. Ну где же, где... определённый срок... вот он... три месяца... Посмотрел на дату: закон был принят два века назад. И откопали же!

Взял себя в руки и ещё раз прочёл документ. Если высокородная особа, принявшая в дар страну, в течение трёх месяцев не сформирует Совет и не приступит к работе на правах правителя, к ней сначала будут приставлены наблюдатели, затем легат, затем... Адэр скомкал лист в кулаке. Его признают недееспособным и, как ничтожеству, укажут на дверь.

Вдруг машину потряхнуло. Очередной толчок заставил посмотреть в окно.

– Почему ты съехал с дороги? – обратился Адэр к водителю.

– Здесь нет дороги. Она пропала, когда мы пересекли границу.

Адэр не заметил пограничную заставу – голова была занята бумагами, лежащими на коленях, – и теперь, широко открыв глаза, взирал на свои владения.

Кортеж провёл в пути всего несколько часов, а словно перенёсся за тысячи миль от Тезара, причём в край заброшенный, всеми забытый. То ли зимы здесь такие суровые, что измученная морозами почва не находит весной сил выталкивать из себя ростки и побеги. То ли солнце изо дня в день палит столь нещадно, что земля выцвела, оголилась, и ничто не может на ней удержаться, кроме камней и колючих кустарников. А может, всему виной саранча? Или ветер, гоняющий по пустоши клубы спутанных веток?

Скудные островки блёклой травы походили скорее на последний вздох природы, чем на её пробуждение. Даже вороны казались смертельно уставшими: рёв моторов не согнал их с засохших деревьев. И только серые пичуги носились, как шустрая детвора, оставшаяся без присмотра взрослых.

Наконец кортеж покати по улицам селения. Вдоль ухабистой дороги теснились кособокые дома, разделённые прямоугольниками огородов и садов. Убогая зелень напомнила о весне, а ведь в Тезаре она буйствует всюю. Почему же здесь всё так печально?

Чумазые дети копошились возле куч мусора, как муравьи возле муравейника. Увидев машины, рванули навстречу, а потом долго бежали рядом, прижимая к окнам грязные ладошки. Снизив скорость до минимума, водители беспрестанно сигналили. Редкие прохожие с озлобленным видом наблюдали за происходящим.

Адэра бросило в пот: ещё чуть-чуть, и кортеж остановится. Слава богу, кто-то из охраны догадался опустить стекло и швырнуть на обочину дороги горсть монет. Дети с визгом и хохотом кинулись собирать деньги. Водители вдавили педали газа в пол и вывели машины из злополучного посёлка.

Немного придя в себя, Адэр снял через голову галстук, расстегнул на сорочке верхние пуговицы. Отец решил его напугать? Ну что ж, у него получилось.

Автомобили тряслись по пустоши, объезжая селения стороной. День близился к концу. В душе засел страх, что придётся заночевать в каком-нибудь ужасном месте. Воображение рисовало мрачный постоялый двор, полутёмную комнату с обшарпанными стенами, железную кровать и грязную постель. Когда тревога Адэра достигла апогея, водитель сверкнул в зеркале заднего вида белозубой улыбкой и радостно заёрзал. Адэр с ожившим интересом прильнул к окну. Вместо колеи появилась сносная дорога, на обочинах замелькали зеленеющие деревья и цветущие кустарники. Вдали показался замок. Чем ближе он становился, тем надсаднее стучало сердце.

Широкие ступени со стёртыми краями взбегали к потускневшей двустворчатой двери. Тёмно-серые в белёсых разводах стены и каминные трубы на крыше отбрасывали на овальную площадь рваные тени. Три ряда окон безжизненными глазницами взирали на запущенные аллеи и давно не стриженные кусты. Возле лестницы выстроились в шеренгу встречающие: не первой молодости прислуга и несколько седовласых мужчин повыше рангом, о чём свидетельствовали их более-менее добротные костюмы.

Не дожидаясь, пока водитель обежит автомобиль, Адэр открыл дверцу и выбрался из салона.

Смуглый старик шагнул вперёд.

– Я Мун, управляющий хозяйством замка или попросту смотритель, – сказал он и склонил голову; через секунду Адэра вновь буравил настороженный взгляд.

Один из встречающих кашлянул в кулак:

– Я первый помощник почившего наместника.

Друг за другом представились другие чиновники.

Адэр смотрел на людей и не находил слов для ответа. Он не был готов к наглости челяди и фамильярности дворян мелкого пошиба. Слуги не имеют права говорить, пока их не спросят. Государственных служащих представляет старший по должности и делает это с разрешения высочайшей особы. Они забыли, что он наследник престола, и похоже, не знают, что теперь он правитель этого убогого царства. В душе зашевелилась злость – ему оказывают приём, достойный очередного наместника.

Адэр поднялся по ступеням и вошёл в замок. После ослепительного солнца и бескрайней пустыни большой холл напоминал винный подвал: закупоренный, преисполненный угрюмого безмолвия, лишённый жизни. Окна былизакрыты ставнями, под мятыми чехлами угадывалась мебель, с картин свисала ткань, в люстрах горели не все лампы.

Адэр глядел на светильники и пытался сообразить, почему перехватило дыхание. Память заворочалась нехотя и вытолкнула на поверхность: в Порубежье нет собственных электростанций! К промышленным предприятиям линии электропередачи тянули из Тезара. Города и селения освещаются генераторами. А в некоторых посёлках вообще нет света!

Анализируя экономику колонии, университетский преподаватель озвучил шесть «нет», чем вызвал среди студентов жаркие дебаты. Кто-то восхвалял политику Тезара по отношению к Порубежью, кто-то говорил, что колонию пора огородить рвами с колючей проволокой, потому

как совсем скоро оттуда хлынет поток голытьбы. А некоторые, косясь на Адэра, рассуждали о правах человека. Наверное, поэтому он запомнил эту часть лекции. В Порубежье нет телефонной связи, нет электростанций, нет автомобильных дорог, нет железных дорог, нет причалов и нет денег, чтобы это построить.

У Адэра внутри всё опустилось. Куда его забросил отец?..

– Сюда, пожалуйста, – проскрипел Мун, указывая на лестницу, ведущую к балконам верхних этажей.

Адэр двинулся через холл к арочному проёму. Свита уныло поплелась за прислугой к лестнице. Охранители, наученные не попадаться хозяину на глаза, растворились в полумраке углов и ниш. Не осмелившись последовать за правителем, обитатели замка с потерянным видом переступали с ноги на ногу и шептались.

– Желаете осмотреть замок? – спросил старик, покорно семеня за Адэром по слабо освещённому коридору.

– Где приёмная правителя?

– Кого?

Адэр резко остановился. Смотритель уткнулся лбом ему в спину и, попятившись, про-
бормотал извинения.

Весть о том, что взамен наместника Великий присылает правителя, да не какую-то подставную фигуру, а своего сына, долетела до замка всего за несколько часов до появления кортежа. Мун времени зря не тратил. Собрал слуг, некогда приехавших из Тезара. Из сбивчивых и зачастую противоположных сведений сделал вывод: Адэр сумасброден, испорчен вниманием женщин и равнодушен к государственным делам, а значит, то небольшое, чего добились ставленники Великого, пойдёт прахом.

В голове Муна зародилось подозрение: между Моганом и Адэром пробежала не просто чёрная кошка, а промчался злобный зверь, коль Великий отправил сына в этокое захолустье. И встречать его надобно как очередного наместника. Ведь не было сверху никаких распоряжений о торжественности приёма.

Наивность и простодушие старика не имело границ. Он уже видел себя в роли воспитателя отпрыска Могана. Представлял, как беседует с ним о жизни, как наставляет на истинный путь. Но теперь, столкнувшись с Адэром лицом к лицу, понял свою ошибку. В Адэре было нечто железное, несгибаемое, об этом говорили его глаза. Если на него давить, он станет действовать наперекор. И задушевными беседами его не проймёшь: зачерствевшая душа не станет мягче. Оставалось надеяться, что ему быстро надоест игра в нищего правителя, и он укатит обратно в свой Тезар.

Адэр закурился, озираясь. Его душа металась и не находила себе места, и он не находил себе места. Как в далёком детстве, чувствовал себя одиноким и никому не нужным. И это ещё сильнее распаляло его злость.

– Где собирался Совет?

– У нас не было Совета, мой господин.

– А что у вас было? – спросил Адэр и скривил губы, заметив потуги дряхлого старика сообразить, какого ответа от него ждут. – Ты вышел вперёд и заговорил со мной первым, будто в этом замке ты главный. Будто всё знаешь и сможешь ответить на любой мой вопрос. Отвечай! Или я вышвырну тебя к чёртовой матери!

– Наместник проводил собрание помощников, – пробормотал Мун.

– Где?

– В своих покоях.

– Меня не интересуют частные посиделки.

Мун ссутулился:

– Наместник сильно болел и не спускался со второго...

– Ненавижу, когда слуги много болтают, – перебил Адэр. – Отвечай чётко: где находится зал для собраний?

– По коридору, пятая дверь слева.

– Зови дворян.

Мун сдвинул брови, прикидывая, куда направиться в первую очередь. Адэр отвернулся, еле сдерживаясь, чтобы не взорваться от злости. Зашуршала ткань костюма, раздались на удивление быстрые удаляющиеся шаги.

Коридор привёл к двустворчатой двери. Брезгливо растопырив пальцы, Адэр упёрся в залапанные створки – раздался протяжный скрип, – переступил порог и невольно приоткрыл рот. Это сон! Явь не может быть настолько ужасной.

Комната с высоким серым потолком и облезлыми стенами ничем не напоминала зал Совета отца. Седая вскосмаченная пыль усеяла длинный стол. К его потрескавшимся бокам прижимались старые деревянные стулья. Во главе стола возвышалось кресло с просиженным сиденьем и потёртой спинкой. Это и есть трон знания, власти и правления?

Взгляд наткнулся на камин – единственное украшение комнаты. По краю каминной доски шла затейливая резьба, гирлянды мраморных цветов обвивали колонны. Сам камень даже в тусклом свете переливался причудливой сеткой разноцветных прожилок.

Адэр забрался на подоконник и попытался открыть давно не мытое окно; стёкла затряслись, угрожая треснуть и осыпаться на голову осколками. Адэр посмотрел на одичалый сад, примыкающий к замку, и перешёл ко второму окну. Рамы нехотя отворились, и в комнату хлынул свежий воздух с примесью какого-то запаха. Нет, не запаха, а вкуса. Адэр ощутил его, как только покинул автомобиль. Тогда он решил, что долгая поездка в салоне, пахнувшем новой кожей, исказила обоняние. Но сейчас во рту ещё сильнее чувствовался непонятный привкус.

Послышались шаги. Прошуршала ткань, и всё затихло.

Адэр обернулся. У порога стояла девушка с собранными на затылке чёрными волосами. Фигуру скрывало серое платье простого покроя с глухим воротом и длинными рукавами.

Потупив взгляд, девушка присела.

Адэр щёлкнул пальцами:

– Смотреть на меня. – Обвёл комнату рукой. – Это что такое? Почему здесь грязно?

Девушка шагнула назад:

– Эта часть замка давно закрыта. Наместники и помощники жили в другом крыле.

– Ты не слышишь, о чём я спрашиваю?

– Слышу.

– А мне кажется, ты ни черта не слышишь. Я спрашиваю, почему здесь грязно?

– Я пытаюсь вам объяснить, а вы меня перебиваете.

Адэр уставился на простолоудинку. Из-за врождённого тупоумия она явно не понимает, кто перед ней.

– В этой комнате не собирались лет восемь, если не больше, – как ни в чём не бывало продолжила девушка. – Раньше заседали, но потом какой-то наместник сказал, что его удручает вид из окна, и приказал закрыть эту часть замка. Можно подумать, что вид на гараж или на пустырь чем-то лучше. Нет чтобы нанять садовника и любоваться видом. Но это ладно. Кое-кто даже надумал пустить сад на дрова, но, слава богу, поспал и забыл, чего хотел. Некоторым деревьям больше ста лет, настоящая реликвия.

– Ты, как я вижу, не знакома с этикетом, – произнёс Адэр, с трудом сохраняя остатки выдержки.

Девушка сморщила лоб:

– Чего?

– Ты должна молчать, пока тебя не спросят.

– Так вы же спросили.

– Ты должна молчать! – повторил Адэр, чётко выговаривая каждое слово.

Девушка вновь присела:

– Извините.

– Ты должна говорить: «Прошу прощения, мой господин».

– Прошу прощения, мой господин, – эхом прозвучал бесцветный голос.

– И разве ты не знаешь, что, прежде чем войти, принято стучаться? – цедил Адэр сквозь зубы.

– Прошу прощения, мой господин.

Чем ниже приседала незнакомка, тем выше поднимала голову ярость. Разнести бы всё к чёртовой матери, камня на камне не оставить. Или, на худой конец, запустить креслом в окно. Но присутствие плебейки мешало дать волю чувствам.

Адэр спрятал руки за спину, сжал-разжал кулаки:

– Ты кто такая?

– Никто.

– И это верно, ты никто. Зачем пришла?

– Я слышала, что будет собрание.

– Услышала. И что?

– Я веду... вела протоколы собраний.

Адэр ужаснулся: плебейка была допущена к важнейшим документам! Довести мысль до конца помешали Мун и помощники бывшего наместника.

Заметив девушку, старик нахмурился:

– Малик! Ты что здесь делаешь? А ну марш к себе!

Она попятилась, налетела на переступивших порог Вилара и Гюста. Пролепетав извинения, прижалась к двери.

Тезарские дворяне в замешательстве замерли. Их взгляды заматались от пола к потолку, от стола к окнам. Адэр в душе позлорадствовал – не только ему придётся прозябать в этих стенах.

Помощники наместника с нескрываемым интересом рассматривали сына Великого.

– Не предлагаю сесть. Хотя... – Он улыбнулся с наигранным добродушием. – Вы привычны к таким условиям.

Помощники уставились в затоптанный пол.

– Надо очень постараться, чтобы довести замок до такого состояния. Мне даже страшно представить, до чего вы довели страну.

– У нас были другие цели и задачи, мой господин, – откликнулся первый помощник.

– Какие?

– Трудиться на благо Тезара. Интересы отчизны для нас превыше собственных, и уж тем более превыше интересов колонии.

Адэр нахмурился. Потаённая надежда сформировать Совет из помощников наместника дала глубокую трещину.

– До тех пор, пока Великий не прикажет нам вернуться, – продолжил чиновник, – мы в вашем полном распоряжении.

Надежда издала предсмертный вздох.

– Я не нуждаюсь в ваших услугах.

– Без приказа Великого...

– Здесь приказываю я! Ознакомите меня с состоянием дел и можете отправляться домой. – Адэр перевёл взгляд на старика и плебейку, стоявших за спинами дворян. – Если через две недели от меня не поступит иных распоряжений, вы получите полный расчёт. – С омерзением посмотрел на ладони. – Надеюсь, в замке есть горячая вода?

И в сопровождении смотрителя проследовал в свои апартаменты.

~ 3 ~

Адэр просидел всю ночь, глядя в окно. Мысли уносили в Тезар, а непривычно огромная луна, озаряя запущенный сад, упорно возвращала обратно, в старомодное тесное кресло. Когда заалел горизонт, Адэр пошевелил плечами, потёр глаза, будто засыпанные песком, и покинул апартаменты. В нос ударил запах сырости и тлена.

– Проветрите все помещения, – велел Адэр караульному и, пошатываясь, словно пьяный, побрёл по коридору.

Немного постоял на балконе, не понимая, куда он идёт, зачем он идёт. Спустился по лестнице, брезгуя прикоснуться к перилам. Войдя в комнату собраний, упёрся руками в стол и уронил голову на грудь.

Где-то хлопнули двери, звякнули стёкла. От сквозняка открылись рамы. За стенами замка шуршала листва и свистели пичуги, напоминая о весне. А на душе выла вьюга.

Адэр подошёл к окну и, прищутив глаза от солнца, проследил за стайкой птиц. Плюнуть бы на всё, сесть в машину и уехать. Он – не узник трона и не раб страны. У него есть целых три месяца, чтобы придумать, как избавиться от ненужного подарка.

– Доброе утро, – прозвучал тихий голос.

Адэр посмотрел вниз. Среди деревьев на пожухлом газоне стояла простолоудинка. Похоже, что эта наглая девица – единственное олицетворение молодости в этом замке. Очередная насмешка судьбы...

– Вы меня не помните? Я Малика́.

– Что тебе надо?

– Мне? Ничего. Я случайно проходила. Вообще-то я всегда гуляю на рассвете. Вы рано проснулись. Наместники никогда не вставали раньше одиннадцати.

– Я похож на наместника?

– Нет, – улыбнулась Малика. – А хотите, я покажу вам замок?

– Не хочу.

Растягивая губы в наивной улыбке, она теребила складки серого платья и не сводила с Адэра чёрных глаз:

– Кухарки ещё спят. Я могу принести вам завтрак. Я не умею готовить, но могу посмотреть, что осталось с вечера.

– Иди куда шла, – сказал Адэр, сопроводив слова пренебрежительным жестом. Сделал глубокий вдох. – Постой! Мне кажется или здесь на самом деле чем-то пахнет?

Малика пожала плечами:

– Мне пахнет садом и морем.

– Морем?

– Да, мой господин.

Уловив в голосе плебейки насмешливые нотки, Адэр поморщился. Поглощённый мыслями, он совершенно забыл, что в Порубежье есть море, иначе сразу бы понял, что воздух – солёный на вкус – пахнет водорослями. Надо же было так сглупить! И перед кем!

– Знаешь, как к нему проехать?

– Я знаю, как к нему пройти. Я никогда не ездила на машине.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда, – повторила Малика.

– Жди меня на площади, – произнёс Адэр и велел охранителю подать автомобиль.

От знакомых чувств защемило сердце. Совсем недавно он точно так же стоял над обрывом. Только сейчас перед ним стелилась не зелёная долина, а нечто более волшебное. Внизу

на белый песок накатывали пенистые волны. Поверхность воды излучала живой, играющий блеск. Жемчужные чайки парили на уровне груди, издавая жалобные крики.

– Не подходите близко к краю, – прозвучал девичий голос.

Адэр обернулся:

– Я тебя звал?

– Когда упадёте, звать будет поздно, – сказала Малика и с недовольным видом покосилась на машину охраны.

– Я не настолько глуп, чтобы рисковать.

– А я не настолько глупа, чтобы смотреть, как вы испытываете судьбу.

Намёк на то, что его охранители глупы, раз сидят в машине, а не оттаскивают хозяина от обрыва, вывел Адэра из себя.

– Уйди с глаз!

Ветер подхватил слова и швырнул Малике в лицо. Опустив голову, она побрела между камнями.

– Пстой!

Малика замерла. Опустила голову ещё ниже и стиснула кулаки.

– Что ты делаешь? – прошипел Адэр.

– Считаю до двадцати.

– Зачем?

– А вы как думаете?

Глупая, болтливая и пустая девица! Адэр прижал пальцы к виску, силясь вспомнить, зачем он её остановил.

– Я могу идти? – спросила Малика.

Не дожидаясь разрешения, обогнула груды камней и направилась к машине охраны.

– Эй, ты! Как тебя...

Она резко обернулась:

– Надо было считать до ста! – Встала на краю обрыва; за её спиной чайки вспарывали крыльями лазурное небо. – Здесь я лишняя.

Прошла мимо Адэра и встала на фоне камней, песка и колючих кустов:

– А здесь и без меня тошно. Мне лучше уйти. И не надо меня останавливать.

– Ты соображаешь, с кем говоришь?

– Конечно. Я говорю с мужчиной, которому этикет позволяет обращаться с женщиной как с половой тряпкой. Не хочу, чтобы об меня вытирали ноги. Я к такому не привыкла. – Малика присела в безупречном реверансе. – Прошу прощения, мой господин.

И пошагала по пустоши, поднимая ботинками жёлтую пыль.

– Предположим, я был немного резок, – сказал Адэр.

Малика остановилась:

– Я вас прощаю.

Адэр опешил. Он не думал просить прощения, а собирался преподать урок, желая пресечь дерзкие выходки в будущем.

– Ты много о себе возомнила.

Малика вновь пошла вперёд.

– Пстой! – крикнул Адэр, вдруг вспомнив, о чём хотел спросить. – К морю есть спуск?

– Есть, – ответила она, продолжая идти.

– Далеко?

– Во владениях маркиза Бэзбура.

Адэр с досадой выдохнул. Плебейку забыли научить элементарным правилам хорошего тона, зато допустили к важным документам. Чем она заслужила доверие ставленников Вели-

кого? Может, их забавляла её невоспитанность, и они относились к ней как к смешному зверьку?

– Малика!

Она обернулась.

– Иди сюда! – приказал Адэр и, когда Малика подошла, спросил: – Ты знаешь, как проехать к усадьбе Безбура?

– Знаю. А толку? К морю ведёт лестница. Лестница находится в парке. Парк окружён высоким забором. На воротах стоят стражи.

– Они не пустят правителя в парк какого-то маркиза?

– Какого-то? – возмутилась Малика. – О маркизе Безбуре даже в газетах писали!

Похоже, всякого, о ком пишут в бульварной прессе, она считает национальным героем.

– Стражи вряд ли знают, что у нас появился правитель, – продолжила Малика. – И не надейтесь, что они знают вас в лицо. В домах не висят ваши портреты. На газетных снимках вы сами на себя не похожи. Или вы взяли с собой паспорт? Вам, конечно, поверят на слово. Но только представьте эту сцену.

Адэр открыл дверцу автомобиля:

– Садись.

Малика замешкалась. Сюда она ехала в машине охраны.

– Садись! – прикрикнул Адэр. Расположился рядом с Маликой и бросил водителю: – В замок.

Малика глядела в окно. Адэр с любопытством рассматривал её. Чёрные волосы, крылатые брови, ресницы веером. На виске родинка в форме звёздочки. Девица была бы привлекательной, если бы не бронзовый загар.

– Ты знакома с маркизом Бёзбуром?

Малика рассмеялась.

– Что тебя развеселило? – нахмурился Адэр.

– Я попыталась представить, как маркиз здоровается со мной при встрече. Не получилось. Я узнаю его в огромной толпе, а он не вспомнит меня, даже если увидит ещё сто раз. – Малика посмотрела на Адэра. – Господа относятся к слугам как к мебели.

Ему вдруг показалось, что его мозг превратился в книгу. Зашелестели страницы, выдавая тайны. Лоб покрылся испариной.

– Вы хотите уехать? – спросила Малика. – Хотите вернуться в Тезар?

Глядя на своё отражение в чёрных зеркальных глазах, Адэр вжался в спинку сиденья:

– Ещё не решил.

Малика покачала головой и отвернулась к окну.

Вилар откинул одеяло. Опустив ноги на холодный пол, обвёл комнату взглядом. Кроме кровати, бельевого шкафа и старого кресла, в ней ничего не было. Комната служила одновременно и спальней, и гостиной, и гардеробной. Только его гардеробная в замке отца в три раза больше, чем эта каморка.

Переступив через чемоданы, которые не успела разобрать прислуга, Вилар вошёл в ванную. В углу душевая кабинка, рассчитанная на худого человека. Над маленькой, словно игрушечной раковиной – потемневшее зеркало. На вбитых в стену гвоздях три несвежих полотенца; с вечера их так никто и не сменил. О ванне напоминали привинченные к полу искривлённые ножки.

Вилар боком втиснулся в кабинку, дёрнул дверцу. Чёрт, заело... С третьей попытки дверца закрылась. Из покрытого ржавчиной душа полились струйки горячей воды.

Вилар закрыл глаза. Оказывается, тяжело быть человеком, для которого интересы родины превыше собственных.

Думы переметнулись к предстоящему разговору с Адэром. Им не удалось встретиться после бала. Сначала помехой послужили многочисленные гости, требующие внимания именинника, затем скоропалительные сборы исчерпали остатки времени и сил, а позже разные автомобили понесли друзей в Порубежье.

Подставляя воде лицо, Вилар подбирал слова, чтобы объяснить скорее себе, а не Адэру, причину выступления на Совете Великого. Шепотки в кулуарах дворца об образе жизни престолонаследника давно переросли во фривольные беседы за чашечкой кофе в светских гостиных. Истории обрастали пикантными подробностями и сомнительными слухами и грозили просочиться сквозь стены особняков и замков. Как только хохот над непристойными анекдотами сотрясёт воздух трактиров и приезжих домов, пробьёт последний час величия Тезара. Вместо того чтобы положить конец пересудам, Адэр намеренно подогревал их – безудержное, буйное веселье с кутежом и попойкой стало частым гостем в его замке Грэз.

Несколько дней назад, находясь во власти душевного порыва, Вилар решил вытащить друга из болота порочных утех и тем самым уберечь отчизну от позора. Однакосейчас, в маленькой и душной комнате, уверенность в правильности своего поступка истончилась, поплыла к двери и вместе с невесомым паром выскользнула в щели. И когда Вилар протёр запотевшее зеркало, отражение посмотрело на него глазами человека, осознавшего ошибку.

В коридоре Вилар столкнулся с Муном. Смотритель сообщил, что правитель куда-то уехал с утра пораньше и не сообщил ему о своих планах.

Глядя в сине-зелёные глаза, окружённые сеткой морщин, Вилар произнёс:

– Если ты решил, что Адэр Карро – очередной наместник, и станет перед тобой отчитываться, то сильно заблуждаешься.

Старик согнулся словно пруттик ивы:

– Простите. Я сказал не подумав.

– Я не видел его комнату. Надеюсь, она не такая, как моя.

– Простите, мой господин. Меня не предупредили, что с правителем приедут важные люди, поэтому с вашей комнатой вышло недоразумение. Я уже выбрал для вас другие покои. К вечеру они будут готовы.

– Займись подбором прислуги. Тех, что нас встречали, мало.

– Будет исполнено, мой господин.

– Мне говорили, что в замке есть телефон.

– Есть, – кивнул Мун. – Я покажу.

В холле, под парадной лестницей, находился коридор, который, как объяснил смотритель, вёл в архив. В начале коридора серела низкая дверь. Вилар переступил порог полуподвального помещения. Споря с собой, обошёл столик, рассматривая старый телефонный аппарат без диска для набора номера. Поднял трубку.

После щелчка прозвучал строгий женский голос:

– Приёмная старшего советника Троя Дадье. Представьтесь.

Вилар растерялся. Перед отъездом из Тезара ему сказали, что он может позвонить во дворец по любому поводу. У него появился повод для беспокойства. Появился вчера, по дороге в замок, а сегодня укреп. Вилар ожидал услышать телефонистку из коммутаторной, а не секретаря. Хотел побеседовать не с Троем, а с отцом.

– Представьтесь! – потребовали на другом конце провода.

– Маркиз Вилар Бархат.

– Соединяю.

Повисла долгая тишина. Вилар молил Бога, чтобы старший советник Великого был занят.
– Как чувствует себя Адэр? – спросил Трой после короткого приветствия.

– Он... Я с ним ещё не виделся. Он куда-то с утра уехал. Наверное, осматривает окрестности. – Вилар оттянул от горла воротничок рубашки. – Здесь жутко. Вокруг пустырь. Замок, по сравнению с дворцом, настоящая помойка. Ваша светлость, престолонаследнику здесь не место.

– Где его место – решать не вам, маркиз Бархат.

– Я совершил ошибку и хочу её исправить, – торопливо произнёс Вилар, боясь, что Трой положит трубку. – Мне нужна ваша помощь.

– Я тоже совершил ошибку, – голос Троя звенел металлом. – Я принял вас за смелого человека и пообещал вам поддержку. Забудьте.

Вилар посмотрел на оконце под потолком, такое же маленькое, как надежда вернуться домой.

По аллеям тянулись тени фонарных столбов. В неряшливых зарослях кустарника шуршал листвою ветер. А чуть дальше, за полусонным мирком, начинался мёртвый грязно-жёлтый мир, распластавшийся до самого горизонта.

Вилар сидел на ступенях и измученно вглядывался вдаль. Заметив столб пыли, поднялся, отряхнул брюки, поправил на галстук узел. Из-за плеча вынырнул Мун и, приложив ко лбу ладонь козырьком, затаил дыхание. Почему старик так волнуется?

Автомобиль пересёк площадь и затормозил перед лестницей. Выйдя из машины, Адэр протянул руку. Прикоснувшись к его пальцам, из салона выпорхнула черноволосая девушка в платье селянки. Мун надсадно задышал. Его дочь? Внучка? Хороша чертовка! Но старик зря тревожится, такие девушки не во вкусе Адэра. Ему нравятся белокурые, голубоглазые. Их фарфоровые лица не тронуты солнцем, а движения и жесты мягки и изящны.

Незнакомка посмотрела на Вилара. Вдруг по-особенному, сбиваясь с ритма, забилося его сердце. Непривычно тяжело приподнялась и опустилась грудь, делая вдох. Стало невыносимо жарко.

– Кого ждёшь? – спросил Адэр, взойдя по лестнице.

– Тебя. То есть вас. Мы можем поговорить?

– Через полчаса буду в обеденном зале, – сказал Адэр Муну и бросил Вилару: – Идём.

Слуги успели навести в комнате собраний порядок. Открытые окна сверкали чистыми стёклами, ветер раскачивал ажурные занавеси, люстра отражалась в натёртом до блеска паркете. Стол и стулья излучали красивое матовое сияние. Только кресло с наброшенным сверху красным плюшем оставалось нелепым и жалким.

Подойдя к окну, Адэр оперся руками на подоконник и опустил голову. Стоя возле двери, Вилар потёр шею. Давил воротничок сорочки. Вызывая чувство гадливости, по спине струился пот. И предательски дрожали колени.

Молчание затянулось. Вилар испугался, что друг уйдёт, так и не выслушав оправданий.

– Адэр, прости меня.

Адэр передёрнул плечами. Озлоблен. Конечно. И сильно раздражён. Смешно надеяться, что сейчас он способен простить и понять. Но откладывать разговор опасно: глубокая пропасть между ними вот-вот превратится в бездну.

– Я знал, что Порубежье нищая колония, – вновь заговорил Вилар, – но не думал, что настолько. Я знал, что назначение наместником заденет твоё самолюбие, но не думал, что Великий подарит тебе трон. Всё пошло не так, как я представлял себе. Я ошибся. Прости меня.

Адэр обернулся. В глазах холод. На лице спокойствие.

– У меня один вопрос: почему ты действовал исподтишка?

– Я хотел поговорить с тобой, но ты пропал почти на месяц.

– Не мог подождать?

– Я боялся, что Великий назначит наместника до того, как ты объявишься. Я думал, ты будешь счастлив, когда получишь власть и свободу.

Адэр отодвинул кресло от стола. Долго смотрел на него, раздумывая, стоит садиться или нет. Сел:

– Наконец-то я счастлив.

– Адэр.

– Что – Адэр? – вскричал он, хлопнув ладонью по столу. – У меня были свобода и власть! Теперь у меня клетка и плюшевый трон. – Откинулся на спинку кресла. – Нельзя доверять ни отцу, ни другу. К сожалению, отца не выбирают. Возвращайся домой, Вилар. Ты мне больше не нужен.

Заслуженный удар под дых. Вилар даже ощутил физическую боль, и только жёсткий взгляд не позволил прижать руку к животу и согнуться.

– Можешь идти, – произнёс Адэр.

– Разреши мне заглядить вину.

– Интересно, как? Позвонишь Трою Дадье? Скажешь, что мальчик хочет к папочке? Представляю, как он будет смеяться.

– Уже звонил. До просьб не дошло, но Трой догадался.

Адэр воздел глаза к потолку:

– Мой Бог, вразуми раба своего.

– Я совершил ошибку. Я знаю.

– Сколько можно? Вилар! – Адэр облокотился на стол. – Теперь я точно не вернусь. Даже если они сильно захотят, я не вернусь. Они день и ночь будут думать, как вытащить меня отсюда, а я зубами вгрызусь в Порубежье и никуда отсюда не уеду.

– И я не уеду. Если ты меня выгонишь, я построю шалаш перед замком.

Адэр исподлобья посмотрел на Вилара:

– Простить не обещаю, но постараюсь на время забыть о «ноже в спину». Ещё раз оступишься, уничтожу тебя и твоего отца.

~ 4 ~

Малика рухнула на кровать и зарылась лицом в подушку. Высокомерный, зазнавшийся, самовлюблённый, глупый, трусливый.

Скрипнула дверь.

– Что ты творишь? – начал от порога Мун.

Малика не шевелилась. Может, решит, что она спит, и уйдёт?

– Стоит отвлечься на минутку, и на тебе! Получай очередную глупость, – непривычно сурово звучал старческий голос.

Малика сжала под подушкой кулак. Нет! Выговор старика не заставит её повернуться и с виноватым видом захлопать ресницами.

– Зачем ты пошла к правителю?

Послышались шаги. Или решил уйти, или... Стул с грохотом опустился возле кровати. Заскрипел дерматин.

– Ладно, я могу понять девичье любопытство. Увидела, ну и смазывай пятки. Но усестесь в машину?! Надо быть без царя в голове.

Старик разошёлся не на шутку. Даже припомнил прадедовские прибаутки. Похоже, отделаться молчанием не получится.

– Что это ты? Зубами скрипишь? Ишь, как уши ходят ходуном. Вот сейчас возьму ремень и отхайдбóкаю почём зря, не посмотрю, что девица.

Малика подняла голову:

– Это как?

– Отхайдб́каю, тогда и узнаешь, – сердито ответил Мун.

– А что, собственно, случилось?

Старик направил палец в потолок:

– Это правитель! А ты решила с ним ляды точить? Лучше бы на кухне помогла.

– При наместниках посуду не мыла, а сейчас побегу?

– Сильно ты вознеслась! Все бабы тебя чураются. Тебе даже посекретничать не с кем.

Малика села:

– О чём с ними секретничать? О мужиках? Так я всё знаю.

Расправляя на коленях платье, украдкой глянула на Муна – выпустил пар или придётся ещё послушать?

– Адэр – большой человек, а ты мошка, – проговорил он. – Раздавит тебя и не заметит.

Малика тряхнула головой. Хватит на сегодня унижений!

– Ненавижу его.

– Кого?

– Его! Твоего правителя Адэра!

Мун взлетел со стула, резво подбежал к двери, выглянул в коридор и с посеревшим лицом повернулся:

– Дурья твоя башка!

– Глупее человека не видела.

– Ты чего мелешь? Заболела?

Малика смотрела на старика и мысленно осыпала себя упрёками. Надо было повиниться, признать свою ошибку, и делу конец. Нет! Выиграла кровь, заговорила гордость. Самого близкого человека заставила волноваться.

– Я пошутила.

– Хороши шутки.

Малика подошла к Муну, обняла его за плечи:

– Я представляла правителя другим. Он меня разочаровал. – Боднула старика в шею. –

Нам никто не нужен. Да?

Мун погладил её по спине:

– Никто.

– Давай уйдём. Прямо сейчас. Давай?

– Нет, Малика. На кого я замок оставляю?

– Тебе не всё равно? Через две недели нас выгонят. Зачем ждать? – Малика вцепилась старику в локти. – Давай уйдём! Пожалуйста!

Раздался стук в двери.

– Малика, тебя вызывает правитель, – сообщила служанка.

Малика посмотрела на побледневшего Муна, провела пальцами по дряблой щеке:

– Не волнуйся. Я буду умницей.

В хозяйственном крыле было непривычно людно и шумно. Малика то и дело прижималась к стене, пропуская горничных с охапками белья и служанок, держащих перед собой подносы с посудой. Из кухни доносился стук ножей. Поварихи обсуждали меню. Водители разыскивали ветошь и вёдра. Кто-то спрашивал, куда нести коробки с писчей бумагой. Кто-то ругался, что ему не хватило мыла.

Малика пересекла холл и в сопровождении охранителя двинулась по коридору. Услышав смех Адэра, приложила ладонь к груди. Сердце отстукивало: беги, беги. Куда бежать? Уже стемнело. До ближайшего селения, где находится их с Муном дом, три часа ходьбы по пустоши, кишашей дикими собаками и шакалами. И стражи не позволят им уйти без разрешения.

Малика понимала, что встречи с правителем ни к чему хорошему не приведут. Он обижен на судьбу, рассержен на людей, сославших его в этакую глухомань. Ему нужен человек, на котором можно срывать злость. Под руку подвернулась она. Сама напросилась. Мун прав: её подвело любопытство, и ей не хватило ума вовремя ретироваться.

Стоя у камина, Адэр что-то говорил человеку, который ждал их днём на парадной лестнице. Дворянин с задумчивым видом крутил в руке бокал и выражал согласие кивками.

Стараясь не прислушиваться, Малика смотрела по сторонам и пыталась вспомнить, когда последний раз в этом зале обедали наместники или их помощники.

– Чего топчешься у порога? – прозвучал резкий голос.

– Я не топчусь. Я только что пришла.

– Подойди! – приказал Адэр. Когда Малика приблизилась, протянул ей бокал с вином. – Выпей.

Она шагнула назад:

– Я не пью.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

В синих глазах пустились в пляс весёлые чёртики. Хмельной взгляд скользнул по её губам, сполз на грудь. Малика вспыхнула – она не товар на сельской ярмарке – и сжала кулаки.

Адэр усмехнулся, сделал глоток вина и обратился к своему собеседнику:

– Маркиз Бархат, хочу вам представить... – Повернулся к Малике. – Как твоё полное имя?

Он забыл, как её зовут!

– Малика Латаль, – ответила она и уставилась в пол.

Адэр щёлкнул пальцами, будто перед ним была собачка:

– Смотри на меня.

Малика подняла голову, надеясь, что он не отличается наблюдательностью и по выражению лица не сможет прочесть её мысли.

– Расскажи, чем ты занималась в замке?

На языке вертелся вопрос: зачем? Через пять минут вы это забудете.

– Я читала наместникам книги, переписывала в архиве документы, вела протоколы собраний.

– Она в курсе всего, что творится в стране, – обратился Адэр к Вилару и залпом осушил бокал. Весёлые чёртики в его глазах уступили место злости. – Как так? Ты был слушателем Совета, подписывал договор о неразглашении тайны, тебе запрещалось обсуждать информацию даже с отцом, с советником Великого. А здесь о государственных делах болтают на кухне!

Малика вздёрнула подбородок:

– Я не болтаю на кухне. Я тоже давала расписку о неразглашении. Наместникам нравился мой голос и мой почерк. И я была единственной, с кем они могли поговорить о своих детях и внуках, которые живут в Тезаре и которые ни разу не приехали к деду.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался Вилар.

– Скоро исполнится двадцать три.

– Ты не по возрасту чётко излагаешь свои мысли.

Малика закусилась щеку изнутри, чтобы не съязвить. Неуклюжий комплимент. Они думают, что в Порубежье живут одни тупицы.

– Ты ходила в школу? – спросил Адэр.

Он не знает, что ближайшая школа находится за пятнадцать миль от замка. Он ничегошеньки не знает!

– Нет, не ходила.

– Кто тебя учил? Неужели наместники?

– Меня учили все, кому было не лень.

Малика ждала колких фраз, а слышала шум ветра за окном.

Адэр указал ей и Вилару на стулья. Сам сел в кресло:

– Я хочу пригласить в замок самых знатных дворян. Человек сорок. Может, пятьдесят.

– В Порубежье почти шесть сотен знатных фамилий, – произнесла Малика. – Как выбрать из них самых знатных и при этом не оскорбить своим выбором тех, кто не попадёт в ваш список?

– Надо пригласить самых богатых, – откликнулся Вилар. – Тогда точно никто не обидится.

– А как узнать, кто из них самый богатый? – усмехнулась Малика. – Моган Великий освободил местных дворян от уплаты налога на богатство. Раньше они оформляли декларацию о доходах, теперь никто не знает, сколько у них денег.

Адэр окинул её оценивающим взглядом:

– Наместники хорошо над тобой потрудились.

Смутившись, Малика сделала вид, что поправляет платье на коленях. Да, этим людям надо отдать должное. Она была единственным ребёнком в замке. Играть не с кем, озорничать не с кем. Туда не ходи, сюда не залезай, это не трогай. Малика пристрастилась к книгам. Сначала рассматривала картинки, потом научилась читать. А потом приехал наместник, который любил решать кроссворды. Он просто изводил Малику, заставляя выискивать слова в исторических трактатах, справочниках и энциклопедиях. Позже кто-то отметил её почерк. Малика стала писарем. Затем её научили печатать, и Малика стала секретарём. Тут хочешь не хочешь, а будешь вникать, запоминать и думать. За свои труды она не получала ни гроша. Жалование, притом очень щедрое, выплачивали подставному лицу. Но об этом она никому не скажет. Спасибо, что её поили, кормили, одевали и не заставляли мыть полы.

– Я бы позвал всех дворян, но замок запущен, – проговорил Адэр. – Я хочу, чтобы ты подготовила к приёму комнату собраний.

Малика вытаращила глаза:

– Почему я?

– А кому я должен это поручить? Престарелой прислуге, у которой нет ни фантазии, ни вкуса, или помощникам наместника, которых волнует только Тезар?

– В замке есть Мраморный зал. Большой и очень красивый. Я слышала, что в этом зале как-то собрались полторы тысячи человек.

Адэр придвинулся на край кресла и наклонился к Малике:

– О чём мне с ними говорить?

Она уловила в его дыхании тягучий аромат вина:

– Я не знаю.

Адэр вцепился ей в колено:

– О чём?

Малика глядела на его напряжённые пальцы. Как же он волнуется! Он не сумеет выучить шесть сотен родословных. И сотню не выучит. И не запомнит лица, рассматривая фотографии. У него ленивая память. И большая гордость. Иначе он попросил бы помощи у людей, которые более-менее знакомы с местной знатью.

– Разрешите мне сопровождать вас на приёме, – сказала Малика и удивилась вылетевшим словам. Как такое могло прийти ей в голову? Но отступать было поздно. – Я помню всех, кто приходил к наместникам. Я переписывала много документов. В них мелькали имена знатных

людей. Я вела протоколы собраний, а на собраниях иногда обсуждались семьи и род занятий дворян. Я могу быть вам полезна.

– Сопровождающей дамой может быть либо супруга, либо родственница, либо фаворитка. Таковы традиции. – Адэр отпустил её колени и направил взгляд на горку золы в камине.

Малика подавила вздох. Он не поступится собственной гордостью и не пойдёт против традиций. Только в Порубежье нет традиций. Все традиции уничтожены, а новые – некому установить.

Вилар нарушил затянувшееся молчание:

– Надо посмотреть, что из себя этот Мраморный зал представляет.

– Посмотри, – кивнул Адэр. – Тебе всё равно нечем заняться.

И, прихватив бутылку, удалился.

Вилар пересел в его кресло:

– Ну что, Малика, познакомимся поближе?

Его улыбка вызвала в душе приятное волнение. Лицо слегка полноватое, но это ничуть не портило маркиза. Наоборот, придавало ему благодушный и мечтательный вид.

– У тебя удивительные глаза. Ты случайно не моруна?

Малика вцепилась в стул. Под ней словно разверзлась земля.

– Я неудачно пошутил. Извини. – Вилар сжал её локоть. – Я не хотел тебя обидеть.

– Можно мне уйти?

– Зови меня по имени.

– Я не могу.

Вилар придвинулся к Малике ещё ближе и прошептал:

– А ты попробуй.

Притягательный взгляд и бархатный тембр голоса выдали влюбчивую натуру. Показалось, что маркиз сейчас поцелует её в губы. Малика отшатнулась.

Вилар поднялся и, глядя сверху вниз, холодно произнёс:

– Покажи мне Мраморный зал.

~ 5 ~

Документы лежали на столе и креслах, на подоконниках и стульях. Складывалось впечатление, что помощники наместника специально размножили отчёты, чтобы ещё сильнее запутать желторотого правителя. Нередко появлялось желание вызвать секретаря и препоручить ему изучение нудных бумаг. Адэр тянулся к звонку, но каждый раз чувство собственного достоинства останавливало руку.

Высыпав на стол очередную порцию макулатуры, помощники отбыли в Тезар. Адэр остался один на один с нестерпимой головной болью, которую усиливали визиты Вилара. Друг – ранее степенный и медлительный – словно зарядился необузданной энергией: влетал в кабинет с непонятным блеском в глазах, быстро, в двух словах, рассказывал, как продвигается работа по подготовке к приёму, давал счета на подпись и уносился, будто подхваченный шквальным ветром.

Адэр просматривал документ за документом и не знал, что делать: радоваться крохам, которые имелись в этой стране, или впадать в отчаяние. Общеобразовательные школы расположены только в крупных посёлках. Государственный университет из-за отсутствия финансирования находится на грани закрытия. Есть десяток больниц для бедняков. Владельцами заводов являются иностранцы. С одной стороны, это плохо: налоги идут в казну других государств. А с другой стороны, у людей есть какая-никакая работа. В полную силу работали каменоломни

в искупительных поселениях и прииски. Но драгоценные камни уплывали в Тезар: плата за охрану границ.

Закрыв папку, Адэр подошёл к окну. Взлохмаченные работники скоблили и натирали до блеска парадную лестницу, расчищали аллеи, подстригали кусты.

Наблюдая за усталыми движениями слуг, Адэр с удивлением вспомнил, что слишком долго не покидал замок и не дышал свежим воздухом. Хотя рамы были открыты с утра и до позднего вечера, в кабинете стоял запах залежалых бумаг.

Адэр вышел из комнаты. За поворотом споткнулся о ведро и чуть не свалил стремянку, зацепившись за неё полой пиджака. Охранитель провёл его по незнакомому коридору в мрачный вестибюль и с трудом открыл обитую железом дверь. За порогом всё та же пустошь, разве что поодаль на фоне жёлтой земли и синего неба серел гараж. Ветер доносил специфический запах масла, топлива и резины. Место явно не предназначено для прогулок главы государства.

Адэр хотел повернуть назад, но вспомнил о столе, заваленном бумагами, и пошагал вдоль флигеля. За углом оказался сад. Извилистая тропинка, похожая на русло высохшего ручья, привела к каменной скамье с отломанной спинкой. Адэр очистил сиденье от прошлогодней листвы. Взору предстали выточенные в камне цветы, пчёлы и бабочки с рельефными крыльями. Скамье лет сто, если не больше. На ней сидел исконный хозяин замка. Интересно, кто он? Адэр потёр лоб. Зачем он себя обманывает? Ему не интересно.

Поздно вечером явился Вилар:

– Иди, принимай работу.

Последние дни Адэр ходил в кабинет по запутанным переходам и узким лестницам, дабы не встречаться с рабочими и слугами, занятыми ремонтом. Сейчас он спускался в холл по главной лестнице. Сверкающий мрамор широких ступеней и гладких перил напомнил о дворце Великого. Даже эхо шагов звучало как дома. На белом потолке старинная лепнина. Хрустальные люстры на серебряных цепях. На окнах ажурная кисея. Возле антикварных столиков и кресел, обитых серым бархатом, вазоны с декоративными деревьями.

– Ну как? – спросил Вилар, шагая сзади.

– Неплохо. – Адэр пробежался взглядом по молочно-жемчужным стенам. – Куда ты дел картины?

– Сейчас увидишь.

Пройдя по коридору, освещённому множеством бра, они остановились перед дверями из красного дерева.

Вилар взялся за бронзовые дверные ручки:

– Готов?

Адэр, привыкший к великолепию отцовского дворца, считал, что уже ничто не сможет его поразить. Но перешагнув порог Мраморного зала, понял – он заблуждался.

Над головой синело небо, пенились облака, парили чайки. Под ногами плескалось море. В замысловатых разводах угадывались рифы и стайки радужных рыб. Между зеркал висели картины с морскими пейзажами.

– Где взяли мебель? – поинтересовался Адэр, рассматривая раритетные кушетки и стулья.

– На чердаке. Там столько всякой всячины! – Вилар вытянул руку. – Туда посмотри.

Адэр обернулся. На возвышении стоял мраморный трон. Камень как камень – ни отделки, ни инкрустации, тонкие прожилки, красивый узор и не более.

Над тронем, под самым потолком, висела люстра – не люстра, зеркало – не зеркало, изогнутая волной пластина с блестящей полированной поверхностью.

Вилар щёлкнул выключателем. Лист под потолком побелел, и трон заискрился, как шампанское в хрустальном бокале, как узорчатый иней на окне, как алмазная пыль водопада под солнцем.

– Ну как? – спросил Вилар и сам себе ответил: – Потрясающе!

Адэр поднялся по ступенькам к трону. Сел на бархатную подушечку.

– Мой правитель, – прозвучал голос секретаря. – Разрешите ознакомить вас со списком гостей.

Совсем недавно вот так же, держа в подрагивающих руках листы, Гюст зачитывал имена дворян. Но тогда, в прошлой жизни, Адэр был с кем-то знаком лично, кого-то видел, о ком-то слышал. Сейчас за титулами и именами зияла пустота.

– В здешней канцелярии работа велась отвратительно, – проговорил секретарь, сворачивая бумаги в трубочку. – В большинство родословных книг не вклеены фотографии. И я очень сомневаюсь, что в досье актуальная информация. Я помню дворян, которые были во дворце Великого. На их помощь и уповаю. Они мне подскажут, кто есть кто, а я подскажу вам.

Адэр откинулся на спинку трона. Побарабанил пальцами по подлокотникам:

– Позови Малику.

Вилар никак не мог уснуть. Сидя на подоконнике, смотрел в звёздное небо. Послезавтра приём. Послезавтра Малика исчезнет. Гюст показал Вилару список тех, кто остаётся работать в замке. Малики и Муна среди них не было. Мун был слишком стар для должности смотрителя. Малике предложили место в канцелярии, но она отказалась.

Послышался шорох. Между деревьев мелькнула тень.

Вилар высунулся из окна:

– Кто здесь?

– Это я, Малика.

– Стой там! – крикнул он и, повинувшись внезапному порыву, выбежал из спальни, на ходу застёгивая рубашку. Только бы дождалась! Только бы не ушла!

Она дождалась. На миг показалось, что удалось зажать чувства в кулаке. Но Малика улыбнулась, и кулак разжался.

– Малика, – сказал Вилар и притянул её к груди.

Сердце билось всё глуше. Каждый удар чуть слышно отдавался в голове и растворялся в хороводе стонущих желаний. Казалось, ещё один толчок, и сердце замрёт в предвкушении чувственного взрыва. Рука съехала с хрупкого плеча, поползла по гибкой спине.

– Пойдём со мной, – прошептал Вилар.

Малика запрокинула голову. Лунный свет коснулся её глаз и рассыпался искрами.

– Я не знаю, что мне делать, – проговорила она и выскользнула из рук Вилара. – Я совсем забыла о платье. Мун закрутился с ремонтом и тоже забыл. У меня есть платья, но они обычные. А заказывать портному уже поздно.

Её слова отрезвили.

– В Порубежье нет магазинов одежды? – спросил Вилар.

– Есть. А толку?

– Можно купить готовое платье.

– Вы видели, какие там цены?

– Не видел.

– И я не видела. Мун сказал: на них лучше не смотреть. – Вздохнув, Малика принялась тереть пуговицу на манжете. – Как думаете, правитель сильно разозлится, если я не пойду на приём?

– Ты пойдёшь на приём!

– Я не могу его опозорить. Там будут такие люди!

– Завтра я куплю тебе любое платье, какое ты выберешь.

Малика отшатнулась:

– За кого вы меня принимаете?

– За человека, который не подведёт правителя.

– Я не смогу вернуть вам деньги. Мы с Муном остались без работы.

– Мне не нужны твои деньги.

– А что вам надо?

Вилар усмехнулся:

– Ты похожа на перепуганного воробья.

– Что вы потребуете взамен? – не унималась Малика.

– Ничего. Мы купим платье и забудем.

– Забудем?

– Обещаю.

Она обхватила себя за плечи:

– Я чувствую себя продажной женщиной.

– Малика! Не смей!

– Вы ведь не думаете, что я специально ходила под вашими окнами, чтобы выпросить платье?

– Я думаю, тебе пора спать.

Малика кивнула и пошла к замку. Перед тем, как войти во флигель, оглянулась:

– Я забыла сказать вам спасибо.

Вилар широко улыбнулся:

– Завтра скажешь.

Взъерошил волосы и, засунув руки в карманы штанов, побрёл по аллее в глубь сада.

~ 6 ~

Память перепрыгивала через провалы, ныряла в дымку. Виднелись расплывчатые силуэты, слышались приглушённые голоса. Но внезапно память озарялась, и чудилось, что давние события происходят сейчас.

Задыхаясь от гордости и восторга, Адэр бежит по коридору: маленький мальчик, едва достающий до педалей машины, впервые сам проехал вокруг гаража. К кому лететь, как не к отцу? Пусть порадуется успехам сына, посмотрит на него с уважением, а может, на колени усадит. Дорогу преграждает секретарь. Выслушав сбивчивый рассказ, обещает сообщить Великому. И если Моган сочтёт встречу с сыном необходимой, его пригласят.

Каким же он был доверчивым и глупым. Несколько дней не выходил из комнаты, ждал приглашения, до головной боли прислушиваясь к шагам в коридоре. Пока не пришла Элайна и не попросила прокатить её с ветерком.

Вспомнилась сумасшедшая боль. Он упал с лошади. Его окружили конюхи и гувернёры. Среди обеспокоенных лиц мелькнуло белое лицо сестры. Адэра перенесли в спальню. Появился Трой Дадье, сдержанно поинтересовался, есть ли опасность для жизни наследника престола. Выслушав отрицательный ответ, исчез. Сестра несколько долгих дней просидела возле постели Адэра, а отец так и не пришёл.

– Ручная работа, – прозвучал вялый голос. – Очень красиво.

Адэр скользнул взглядом по обеденному залу. Элайна смотрела в окно и машинально мяла в руке кружевные занавеси.

– Хочешь поговорить о шторах?

Сестра недовольно повела плечом:

– Когда я сюда ехала, думала, что мы с тобой это обсудим, это и это. А сейчас выдавливаю из себя каждое слово.

Адэр отхлебнул из чашки остывший кофе:

– Не мучай себя.

– Я хотела тебя поддержать, но у меня не получается.

– Я не нуждаюсь в поддержке.

Элайна повернулась к Адэру. Хрупкая, нежная, ямочки на бледных щёчках, русые волосы, уложенные в чудную причёску – она удивительно походила на мать, будто супруга Могана Великого сошла с картины и прибыла в Порубежье.

Сестра изо всех сил старалась держать себя в руках, но глаза болотного цвета выдавали волнение с примесью тоски и усталости.

Элайна отвернулась к окну и вновь принялась мять в кулаке шторы:

– Кто тянул Вилара за язык?

– Дорогая, не начинай.

– Кто мог подумать, что он способен на предательство.

– Он не предатель.

Элайна опустила голову:

– А кто?

Адэр посмотрел на поникшие плечи сестры, на подрагивающие пальцы, сжимающие ткань. Неужели она до сих пор равнодушна к Вилару?

– Он друг, который хотел меня спасти.

– От кого? – прозвучал тихий голос.

– От меня самого.

Элайна обернулась. Ей удалось надеть маску и придать себе шуточный вид.

– Поэтому ты стал похож на этот замок? Такой... одинокий. Здесь нет девиц?

– Не знаю.

– Ты не знаешь своих придворных?

– У меня их нет. – Адэр покрутил в руках чашку, поставил на стол. – Как поживают мои племянницы?

– Скучают по тебе. Их некому баловать.

Адэр улыбнулся:

– Почему ты не взяла их с собой? Им бы здесь понравилось.

– Кто бы сомневался? Ты бы разрешил им сидеть на ступенях, сутулиться за столом, бросаться едой, глотать слова. Продолжил бы учить их врать не краснея.

Адэр вздохнул:

– Из меня получится плохой отец.

– Самый лучший. – Как в далёком детстве, Элайна уселась на ковёр возле ног Адэра. Положила руки ему на колени и устремила на него лучистый взгляд. – Почему мой муж не похож на тебя?

– И слава богу.

– Ты полюбишь, Адэр, и твои похождения прекратятся.

– Ты сама себе веришь?

Элайна пожала плечами:

– Я надеюсь.

– Считаешь, что я не люблю Галисию?

Элайна с наигранным видом посмотрела по сторонам:

– А где она? – Вновь направила взгляд на Адэра. – Не отдавай своё сердце кому-то из здешних дам.

– Постараюсь.

– Ты же знаешь отца. Он не позволит тебе жениться по любви. Короли не женятся по любви. Тебе придётся оставить сердце здесь, а самому вернуться в Тезар.

– Ты говоришь так, будто я способен на сильные чувства.

– Отец никогда не примет твою избранницу, – проговорила Элайна, словно не услышав его. – Ты женишься на стране.

Адэр насторожился:

– Отец ведёт за моей спиной переговоры?

– Пока нет, но Трой Дадье уже составил список невест.

– Откуда ты знаешь?

Элайна выдавила улыбку:

– Ты забыл, что мой муж советник Великого?

– Вы с ним почти не видите. Что изменилось?

– Тебя выслали из Тезара, и я поняла свою ошибку. Если бы я знала, что задумал отец, если бы Модес предупредил меня, я бы сделала всё, чтобы не допустить этого. – Элайна сузила глаза. – Я тебя расстроила?

– Ничуть. Брак – это клетка для женщин. Мужчина всегда найдёт потайной ход.

– Ты не исправим. Тогда что тебя тревожит?

– Абсолютно ничего, – сказал Адэр и прижался губами ко лбу сестры. Его волнение так заметно? Устал держать себя в руках?

– Какой костюм ты наденешь? – поинтересовалась Элайна.

– Ещё не решил.

– Решай быстрее. Я хочу определиться с платьем. Наряд сопровождающей дамы должен гармонировать...

– Элайна! – Адэр отодвинул сестру от себя. – У меня уже есть сопровождающая дама.

– Вот как... Кто же она?

– Малика Латаль.

– Маркиза?

Адэр покачал головой.

– Графиня? – не унималась Элайна. – Неужели обычная дворянка?

– Простолюдинка.

Казалось, сестру хватит удар: лицо побледнело, по шее пошли красные пятна.

– Ты с ума сошёл, – прошептала она.

Адэр выпрямил спину:

– Не забывайся.

Опираясь на его колени, Элайна с трудом поднялась:

– Ты не вправе нарушать наши традиции.

Адэр встал:

– Ты говоришь о традициях своей страны. Позволь тебе напомнить: сейчас ты не в Тезаре.

Они стояли друг напротив друга. Она прижимала руки к груди. А он... Он поступит так, как решил.

Огромное зеркало увеличивало и без того большую гостиную. Вдоль стен стояли кресла на низких ножках. За все предшествующие дни в них никто не сел и вряд ли кто-то сядет – Адэр не любил посетителей в своих апартаментах.

На тёмном, почти чёрном паркете белый ковёр с бахромой. Возле окна софа, мягкая, широкая, обитая серой кожей. Что то, что другое – в прошлой жизни незаменимые вещи. Со

своей возлюбленной Галисией Каналь Адэр развлекался в спальне, с благородными дамами забавлялся на софе или кушетках, а девиц низкого происхождения подминал на ковре. Здесь же, в замке, софу иногда продавливал коленями, открывая или закрывая окно, а ковёр протаптывал ботинками, когда не спалось.

Адэр так и бродил бы по гостиной, борясь с бессонницей, если бы не нашёл увлекательное занятие – разглядывание колонн из аспидного камня с выточенными фигурками девушек. Одной ночью он установил возле колонн канделябры, зажгёт полупрозрачные свечи. Огоньки свечей затрепетали, отбрасывая блики на чёрный камень. Подключилось воображение, и выпуклые силуэты девушек ожили.

Адэр какое-то время наблюдал за их танцем, барахтаясь в пучине своих дум. Но взор то и дело останавливался на одной фигурке – тоненькой, изящной, с чудным изгибом рук. Сердце застонало: «Галисия...» С этого всё и началось.

Каждую ночь Адэр разглядывал девушек, выискивая в них сходство со своими любвеобильными пассиями. Округлые бёдра – Маньяра. Большая грудь – Ния. Копна кучерявых волос – Литя. Десятки фигурок – десятки имён. Имена закончились, а вверху на колонне остался последний силуэт, непокорный теням и пламени.

Как ни старался Адэр оживить фигурку, переставляя с места на место канделябры, девушка продолжала стоять, дерзко вздёрнув подбородок. Адэр копался в памяти до изнеможения, силясь вспомнить ещё хоть одну горячую подругу, а на ум приходила невыразительная и холодная, как камень, особа. И Адэр дал последней девушке имя – Малика, надеясь, что не за горами то время, когда её место в галерее образов займёт желанный предмет страсти и утех.

Но сегодня было не до ребячества и глупых забав.

Адэр подошёл к зеркалу, одёрнул чёрный фрак, поправил перекинутую через левое плечо белую атласную ленту, усыпанную алмазами – символ чистоты и открытости. Отступив на шаг, окинул себя взглядом. Как всегда, безупречен, но глаза... Разволновался, как его встретят? Пустые переживания! Ему будут рукоплескать хотя бы за то, что он сын Великого.

Достал из кармана листок – его речь перед великосветской толпой. Сегодня он впервые произнесёт чужую ложь. Смял лист в кулаке и бросил в угол комнаты.

Шагая по коридору, прислушивался к гулу далёких голосов. Чем явственнее звучал говор гостей, тем твёрже печатался шаг. Когда взору предстали двери Мраморного зала, от бывшего волнения не осталось и следа. Адэр остановился, но лишь для того, чтобы между объявлением правителя и его появлением на пороге прошло положенное по этикету время.

Он шёл по мраморной глади моря к возвышению, на котором находилось обычное кресло – по приказу правителя прислуга убрала трон буквально за минуту до прибытия первого гостя. Отвечая кивками на холодные поклоны и невыразительные реверансы, скользил взглядом по костюмам мужей и украшениям дам. И это нищая страна? Смешать с тезарской публикой – не отличишь, кто есть кто.

Сбоку от псевдотрона стояла Малика: кремовое платье с глухим воротом и длинными рукавами (буднично, но терпимо), волосы завязаны на затылке в неизменный узел (могла бы что-то заплести), и взгляд служанки – в пол.

Адэр повернулся к гостям. Позади всех, у дверей, увидел сестру (стыдится). Ничего, скоро всё закончится. Пережить лишь вечер.

– Хочу представить вам мою сопровождающую даму. Малика Латаль! – сказал он жёстким тоном, желая пресечь насмешки над его выбором.

Малика грациозно присела и спряталась за его плечо.

Тотчас забыв о простолоудинке, Адэр окинул публику взглядом – бегло, бездумно, чтобы не сбиться с заданного настроения – и громко проговорил:

– Я, Адэр Карро, отныне являюсь правителем Порубежья. Хотели вы этого или нет, сейчас не имеет значения – я уже стою перед вами. Я не вправе требовать от вас безграничной

любви и слепой веры, но обращаюсь к вам с призывом. Поддержите меня на нелёгком пути. Позвольте опереться на ваши крепкие плечи. Помогите мудрым советом. Подскажите мне то, что не услышу. Укажите на то, что не увижу.

Прижал руку к груди:

– Перед вами, потомками славных фамилий, я присягаю в верности Порубежью. Клянусь идти по праведной стезе к процветанию страны! Клянусь благими делами приближать благополучие народа!

Мёртвая тишина... Неужели дворяне надеялись, что он прилюдно откажется от трона? Или думали, что в торжественной обстановке будет назначен очередной наместник? Видимо, придётся покинуть зал под стук собственных каблуков. И что дальше?..

Под потолочным сводом прозвучал низкий с хрипотцой голос:

– Я, маркиз Мави Бёзбур...

Гости, словно отхлынувшее от берега море, открыли взору седого как лунь человека с гладким лбом без единой морщинки.

– ...Клянусь следовать за вами, Адэр Карро, до тех пор, пока вы идёте по чистому и справедливому пути.

Послышался мягкий голос:

– Я, граф Юстин Ассиз...

Гости расступились.

Молодой мужчина – брови вразлёт, выпуклые губы, на подбородке ямочка – сделал шаг вперёд:

– ...Клянусь поддерживать вас, Адэр Карро, до тех пор, пока ваши слова не расходятся с делами.

Со всех сторон понеслись голоса. Дворяне приносили клятвы и тут же выдвигали требования. Кому? Сыну Великого? Наследнику престола могущественного Тезара? Будущему владыке полмира?

Стиснув кулак, Адэр вонзил ногти в ладонь. Рукой, прижатой к груди, он, если бы смог, сдавил бы сердце, лишь бы замолчала распирающая его злость. На время. Пока он не придумает, как наказать наглецов.

– Они просят то, что вы им сами обещали, – прошептала за спиной Малика.

Место злости заняло смятение: он озвучил мысли? Адэр оглянулся. Плебейка с бесстрастным видом смотрела в пол.

Как горный ручей заструилась мелодия. Зазвучали переливчатые голоса. Певцы исполнили гимн Порубежью.

Адэр стоял возле кресла в ожидании к себе должного внимания со стороны гостей и молил Бога (хотя в Бога не верил), чтобы Малика не ошиблась в титуле и имени подошедшего дворянина. Но дамы, обмахиваясь веерами, украдкой поглядывали на своё отражение в зеркалах, мужи, держа бокалы, вполголоса перебрасывались короткими фразами. Даже сестра и та с унылым видом рассматривала картину.

Адэр запаниковал: ещё немного, и приём превратится в скучную вечеринку с тихой музыкой, надкушенными бутербродами и недопитым шампанским.

Малика вынырнула из-за плеча и встала рядом:

– Как думаете, о чём они будут говорить после приёма?

Адэр одёрнул фрак. Какая разница, о чём? Хотя... Немного поговорят о замке, чуть больше о Мраморном зале. Конечно, обсудят кресло на помосте, мол, какая страна, такой и трон. Затем сравнят престолонаследника Тезара с великим отцом, отметят внешнее сходство. Пожалуй, всё...

– Они знают о вас понаслышке и не могут найти общую тему для беседы, поэтому не решаются подойти. А ещё они думают, что этот приём – спектакль. Думают, что они вам не интересны. И не сегодня завтра вы вернётесь в Тезар.

Адэр заложил руки за спину, перехватив одну другой.

– Помните, вы спрашивали меня, о чём вам говорить с гостями?

Адэр качнулся с пятки на носок.

– Я подготовилась.

Приподняв бровь, Адэр посмотрел на Малику.

– Видите господина, который присягнул вам первым? Маркиз Мави Безбур. Можем начать с него. Рядом с ним супруга Лия. Они женаты тридцать лет. У них две дочки.

Пока они переходили от одной пары к другой, Малика нащёптывала о детях, занятиях и увлечениях гостей. Адэру достаточно было сказать дворянину несколько преисполненных теплоты и сердечности фраз, сделать его супруге пару комплиментов, сверкнуть белозубой улыбкой, и собеседники заметно расслаблялись. Громче звучали голоса, звонче играла музыка. Раздавались взрывы смеха. Слуги не успевали приносить с кухни подносы с угощениями.

Далеко за полночь уставшие от вина и разговоров гости выстроились перед псевдотроном в очередь, чтобы попрощаться с правителем. Малика где-то затерялась. Элайна встала рядом с Адэром и, сжимая ему плечо, награждала родовитую знать самыми благосклонными взорами, на какие только была способна.

Под утро последний гость покинул замок. Адэр уходит из зала не торопился. Запрокинув голову и глядя на чаек в мраморном небе, прокручивал в уме разговоры, снова и снова задаваясь вопросом: кто из дворян достоин сесть за стол Совета? И лишь сестра, нарочито громко зевая за спиной, заставила его подняться с кресла.

Ведя Элайну через холл, Адэр заметил возле входной двери Малику, Вилара и Муна с переброшенными через плечо котомками. Уже поднимаясь по лестнице, увидел, как Вилар открыл дверь, и предрассветная мгла поглотила сторбленного старика и черноволосую девушку.

~ 7 ~

Солнце заливало спальню. За спиной уютно, по-домашнему, тикали часы. Повернуться к ним и посмотреть, сколько сейчас времени, не было сил, как не было сил откинуть одеяло. Весна дышала летним зноем. Что же будет летом, если уже сейчас проскальзывает мысль о ночлеге в саду?

Стук в дверь звенящей болью отозвался в затылке. От сквозняка всколыхнулись на окнах занавеси.

К кровати подошёл Вилар, держа в руках серебряный поднос с бумагами:

– Догадайся, что это.

Адэр дотянулся до стакана, залпом выпил воду и прижал ко лбу стекло:

– Давай поговорим позже. У меня голова гудит как с перепоя.

Вилар сел в кресло и принялся читать благодарственные письма. Адэр смотрел на него и не понимал, чему друг радуется, почему светятся его глаза, а голос звучит торжественно. Ни один дворянин не станет выплёскивать свои мысли на бумагу ночью, по дороге домой, чтобы на рассвете отправить рассыльного в замок. Скорее всего, дворяне явились на приём с письмами, а уходя, отдали их секретарю или оставили в холле на столике. Надо ли восторгаться словами, написанными не от души?

Вилар отложил последний лист:

– Расскажешь Трою, как всё прошло?

– Элайна расскажет.

– Почему ты не хочешь наладить нормальную связь с Тезаром? На весь замок один телефон, по которому мы не можем поговорить с кем хотим.

– Я ни с кем не хочу разговаривать.

– Я хочу.

– Езжай в город и звони. Телефон есть в любом отделении тезарского банка. – Адэр посмотрел на часы: полдень. – Распорядись насчёт обеда.

Помрачнев, Вилар взял поднос с письмами и удалился.

Последние десять лет – год в ту или иную сторону не имеет особого значения – Адэр входил с друзьями в обеденный зал и отсылал прислугу за дверь. После бессонных ночей или пирушек он не хотел себя контролировать. Поэтому завтракать, а чаще всего обедать без свидетелей за спинками стульев – уже вошло в привычку. Если необходимо провести смену блюд, достаточно позвонить в колокольчик и помолчать несколько минут.

Зная о странной прихоти правителя, слуги бесшумно выскользнули из зала. Адэр сделал глоток горячего кофе и с наслаждением зажмурился.

– Можно задать один вопрос? – прозвучал тусклый голос.

Вилар сидел с потерянным видом и совсем не напоминал того человека, который час назад с воодушевлением читал письма.

Адэр взял крендель, положил ноги на соседний стул:

– Спрашивай.

Вилар помешивал чай, не замечая, что проливает его на стол.

– Ну же! – подбодрил его Адэр и вонзил зубы в сдобу.

– Почему ты приказал убрать трон?

Адэр стряхнул с пиджака крошки. Что ответить другу? Отец умышленно бросил его в страну, где всё чужое, и он всегда будет чужим, с единственной целью – показать, что без Тезара он, как этот мраморный трон, великолепен, одинок и ничтожен. Нет, говорить об этом другу не стоит.

– На троне надо сидеть с гордо поднятой головой, но гордиться пока нечем. – Адэр допил кофе, отставил чашку. – Знаешь, почему Великий отправил нас в захолустье, а не в столицу Порубежья?

– Наместники двадцать лет управляли страной из этого замка.

– Я не наместник.

– Здесь находится архив.

– Его можно перевезти.

– Мы недалеко от границы с Тезаром.

– Зато вдали от цивилизации.

– Тогда почему?

Адэр горько рассмеялся:

– Потому что в Порубежье Великий ничего не создал, не построил и не купил. Этот замок он присвоил, как и страну. Как только объявится истинный хозяин, нас с тобой вышвырнут на улицу. Не удивлюсь, если это произойдёт со дня на день. По всей видимости, так было задумано. Отец ждёт не дожждётся, когда я буду ползать у него в ногах и скулить.

Вилар вновь принялся помешивать чай:

– Хозяин не объявится. Замок принадлежал последнему законному королю Грасс-Дэмора.

Адэр потёр лоб. Он забыл, что когда-то Порубежье носило другое название.

– Король сбежал, – продолжил Вилар. – Почему и куда – никто не знает. У него не было наследников, и замок много лет пустовал. В течение века в стране сменилось двадцать семь правителей, но ни один из них не позарился на собственность изменника родины.

На пороге зала появилась Элайна, одетая в дорожное платье:

– Адэр, я уезжаю. Проводи меня.

Он убрал ноги со стула:

– Как? Уже? Я думал, ты немного погостишь.

– Я волнуюсь о девочках. У них новая няня. Я не успела толком оценить её методы воспитания.

– За пару дней ничего не случится.

– Мне здесь нечем дышать. Я хочу уехать.

Адэр покачал головой:

– Понимаю. – И встал из-за стола.

Автомобиль скрылся в облаке пыли. Адэр вошёл в замок, сделал круг по холлу, не зная, куда направиться. В голове, как и в сердце, звенела пустота.

В начале коридора, ведущего к кабинету, с ноги на ногу переминался Гюст, прижимая к груди папку.

– Что-то срочное? – спросил Адэр.

– Ничего срочного, мой господин. Бумаги на подпись.

Кабинет встретил привычной тишиной и показался уютным. Всего лишь на миг, пока взгляд не скользнул по столу, заваленному документами.

Адэр сел в кресло и посмотрел в окно. На горизонте вихрилась пыль: автомобиль уносил частичку его души всё дальше и дальше.

Гюст открыл папку:

– Я подготовил два приказа о назначении секретаря.

– Какого секретаря?

– Я один не справляюсь. Я гонец, камердинер, секретарь и слуга в одном лице. Вы созовёте Совет, я вообще разорвусь. – Гюст положил перед Адэром два листа. – Первый приказ о том, что вы назначаете меня секретарём и освобождаете от других обязанностей.

– А второй?

– Я нашёл среди прислуги более-менее толкового человека. Он будет заниматься документооборотом. Осталось всему его научить.

– Хочешь, чтобы государственные дела обсуждались на кухне?

– Не хочу, но иного выхода не вижу.

– Это всё?

Гюст достал из папки ещё один лист:

– Я целый день занимался подбором человека на должность смотрителя замка.

В кабинет заглянул Вилар:

– Вы заняты?

– Заходи. Послушай, какие приходится решать вопросы, – сказал Адэр и кивнул Гюсту. – Продолжай.

– Я взял список работников замка и попросил каждого поставить галочку напротив имени человека, который, по их мнению, мог бы стать смотрителем. Но вышло маленькое недоразумение. – Гюст положил перед Адэром исписанный лист. – Этот человек у вас уже не работает. Просто я забыл его вычеркнуть.

– Мун, – нахмурился Адэр, глядя в список. – Он уволен?

– Вы приказали рассчитать стариков.

– А Малика?

Гюст с озадаченным видом пожал плечами:

– Она не работала в замке.

– Как «не работала»?

– Я сам удивился. Среди личных карточек работников её карточки не было. Я знаю, что она переписывала в архиве документы и вела протоколы собраний. Кстати, печатала быстро и без ошибок. Я предложил ей работу в канцелярии, но она отказалась. Как я понял, из-за Муна.

Адэр постучал пальцами по подлокотникам кресла:

– Староват Мун.

– Староват, – согласился Гюст. – Но его уважают и слушаются. Кстати, за двадцать лет здесь сменилась уйма слуг, но Муна заместители не трогали.

Адэр посмотрел на длинный ряд галочек напротив имени старика, обратил взгляд на Вилара:

– Что скажешь?

– Я сталкивался с ним во время подготовки к приёму. Мун очень сообразительный и не по возрасту шустрый. То, что ему подчиняются беспрекословно, – это правда.

– Вернём?

Глаза друга заблестели.

– Вернём.

Гюст взял со стола бумаги, спрятал в папку:

– Разузнаю, где они живут.

– Я знаю! – произнёс Вилар. – Малика показывала мне свой дом, когда мы с ней набирали в посёлке музыкантов и певцов. Разрешите мне поехать. Это рядом. Я мигом.

– Езжай, – кивнул Адэр.

Вилар вышел из кабинета. Из коридора донёсся его голос:

– Машину! Быстро!

Адэр отпустил Гюста и посмотрел в окно, затянутое сиреневыми сумерками.

~ 8 ~

Ветер врвался в салон автомобиля и хлестал по разгорячённому лицу. Вглядываясь в ненавистную пустошь, Вилар понимал, что заблудился.

Мотор ревел, колёса рвали землю, выбрасывая в чернильный воздух фонтаны песка. Фары выхватывали нагромождения булыжников и одиноко торчащие валуны. Вдруг машину швырнуло в сторону. Раздался скрежет.

Вилар провёл рукой по вмиг вспотевшему лбу. Выбрался из салона, достал из багажника фонарь. Обойдя автомобиль, осветил на искорёженное крыло и колёса, вывернутые в разные стороны. Ударил кулаком по капоту и закрутился на месте. Со всех сторон льнула мгла с размытыми очертаниями низкорослых деревьев и кустов. Порой луна выглядывала в рваную брешь между тучами, но за несколько секунд рассмотреть что-либо не удавалось. Воздух сгустился, и ещё сильнее чувствовался запах моря.

Вилар запрокинул голову и застонал от бессилия. Ему вторила песня крепчающего ветра, взметнувшаяся в небо пыльным потоком.

Вилар сел на землю и привалился спиной к колесу. Он мчался по бездорожью с единственным желанием найти и вернуть ту, без которой его безрадостная жизнь и вовсе становилась унылой. Сквозь завывание ветра слышал тихий голос, в темноте видел блеск бездонных глаз. Слишком жестоким способом Всевышний решил умерить его пыл и остудить горячую голову. И вот он сидит, прислушиваясь к дыханию ночи и беспомощно взирая в пустоту.

Нет, сидеть нельзя! Да кто он на самом деле, чтобы опускать руки, – маркиз или бесхребетный плебей? Посёлок где-то близко. Стоит напрячь слух и хорошенько присмотреться, и лай собаки или огонёк бессонного окна укажет дорогу.

Вилар перекинул пиджак через плечо и пошёл вперёд, пробивая мглу слабым лучом фонаря. Почему перед отъездом он не додумался проверить и заменить батарейки?

Из мрака проступило очертание холма. Сердце запрыгало – вот удача! С вершины пустошь видна до горизонта.

Вилар долго стоял на взгорье, досадуя на безлунье и силясь разглядеть освещённое селение или замок. Повернулся влево, вправо, снова влево и совершенно запутался: где он оставил машину, откуда приехал и в каком направлении шёл.

Вдруг потянуло дымком костра. Вероятно, поздний путник решил переночевать в степи, спрятавшись между валунами. Возможно, он подскажет, куда идти.

Вилар сбежал с холма и двинулся на запах дыма.

Над пустошью пронёсся вой оголодавшего хищника. Сзади. Идёт по следам! Вилар прибавил шаг. По спине заструился холодный пот. Дьявол! Теперь зверь знает, что он боится.

Вмиг всё вокруг наполнилось звуками, словно звериный утробный рёв разбудил ночные злобные создания. Над головой зашумели крыльями невидимые птицы. Где-то в стороне, зашуршав, покатались камни. Как из-под земли выскочил заяц и, коснувшись ноги, стремглав умчался в темень. Но ничто не тревожило так сильно, как глухое сипение за спиной, переходящее в нетерпеливое урчание. Всё ближе и ближе.

Вилар побежал. Фонарь не давал необходимого света, слабый луч лишь искажал действительность: ямка представляла глубокой рытвиной, кустарник превращался в бугор. Пот заливал глаза. Страх сковывал тело. Вилар затоптался на месте. Умиравший лучик выхватил контур то ли волка, то ли одичавшей собаки, но испугать, и тем более отогнать зверя, не смог.

Вилар перехватил фонарь и, крепко зажав его в кулаке, приготовился нанести удар. Ощущая зловонное дыхание и слыша рвущиеся из глотки хрипы, попятился. И с запоздалым удивлением осознал, что под ногой нет земли.

Размахивая руками, он падал в пустоту. Секунды рассыпались на мельчайшие частички продолжительностью в жизнь. Перед внутренним взором мелькнули отец, Адэр. Внезапно всё поглотила чернота глаз Малики.

Утром сообщили, что маркиз Бархат до сих пор не вернулся. Адэр расплылся в улыбке. Как Вилару удалось перехитрить Муна и совратить с виду фригидную Малику?

Ближе к вечеру радужное настроение поблекло и сменилось тягостным ожиданием. Солнце клонилось к земле, а машина друга так и не показалась в поле зрения. Нарастающая волна переживаний вызвала приступ тошноты. Адэр забил тревогу.

Собравшиеся в холле обитатели замка жались друг к другу и, казалось, были искренне удивлены, услышав, что у Муна и Малики есть дом. Прихватив фонари, работники пробродили по пустоши добрую половину ночи и вернулись ни с чем. Утром поиски возобновились.

Адэр метался по замку. Перебегал от окна к окну в надежде увидеть в воздухе столб пыли, поднятый колёсами автомобиля. Ветер, врываясь в залы и комнаты, доносил всё что угодно – шелест листьев, пение птиц, скрип ворот гаража, – но только не рёв двигателя. День неумолимо приближался к концу. Небо посерело, слилось с землёй, на замок опустилась очередная бессонная ночь.

Заслышав топот и гул голосов, Адэр поспешил в холл. Работники сообщили, что прочесали местность и обнаружили машину с искорёженным крылом и вывернутыми колёсами. Чуть

дальше нашли пиджак. Сама же пустошь хранила молчание – весь день злобствовал ветер, и песок запорошил следы.

Под утро приехали охранители. В ближайшем селении никто маркиза не видел. Адэр надеялся, что к поискам присоединятся стражи порядка. Каково же было его удивление, когда ему сказали, что в посёлке нет стражей. Охранители хотели собрать селян, но никто не откликнулся на призыв.

Адэр требовал продолжения поисков. Обитатели замка уходили на рассвете, возвращались за полночь. Охранители бороздили пустошь круглыми сутками.

Сколько раз Адэр сжимал в руке трубку телефона. Сообщать Трою Дадье или всё-таки ждать? И что говорить? Маркиз поехал за плебейкой и бесследно исчез в глухой степи? Но так и не поднял трубку с рычага – Вилар жив и точка!

Градмир – столица Тезара, крупнейший город Краеугольных Земель – имел полное право на свою, никому не подвластную жизнь. Сам себе хозяин, сам себе господин – принимал друзей и закрывал ворота перед врагами, вершил правосудие и равнодушно взирал на безгрешность, вычерчивал линии судеб и с лёгкостью рушил надежды.

Окраина столицы походила на центры многих крупных городов – ухоженные улицы, многоэтажные здания, площади и скверы.

По приближении к центру столицы время стремительно бежало вспять. Современные здания уступали место старинным особнякам и замкам. Улицы становились шире, храмы выше, ветер тише.

Дворец Могана – венец творения рук человеческих – смотрел на город с высоты царственного положения. Как бы ни кружили улицы, силясь запутать путников, как бы ни изгибались звонкими ручьями, они стекались к символу величия Тезара.

Дворец, как и Градмир, жил своей жизнью. Коридоры северного крыла гудели голосами секретарей, канцелярских работников и прочего чиновного люда. Залы южного крыла отзывались эхом на шаги титулованных дворян. Апартаменты восточного крыла принимали высочайших гостей страны.

Правительственный этаж тонул в торжественной тишине. В зале Совета заседали государственные мужи. Не скупясь на слова, Элайна рассказывала советникам о своей поездке в Порубежье. Трой слушал краем уха. Доносы его секретных агентов не были столь эмоциональными, как повествование дочери короля, отличались лаконичностью и конкретикой, а потому были намного полезнее.

Трой изучал тайные сообщения, лично готовил отчёты и отправлял их в кабинет Великого. Раньше эти документы не были помечены грифом «Важно» и потому в любой стопке оказывались в самом низу. Да и сейчас почти ничего не изменилось – оттиск важности на них не появился. Однако Трой догадывался, что с недавнего времени серым листам уделялось особое внимание. Моган не выказывал отцовских чувств, но скрыть беспокойство о сыне от старого друга ему не удавалось.

Две недели назад в одном из донесений промелькнуло имя – Малика. Молодая особа, проживающая в замке со своим дедом и находящаяся на его иждивении, чем-то заинтересовала Адэра. Потом пришло сообщение, что плебейкой увлёкся Вилар. Трой только усмехнулся.

Известие о том, кого Адэр выбрал сопровождающей дамой, озадачило Троя. Ненадолго. Он помнил, как Моган, придя к власти, упразднил некоторые традиции, посчитав их безнадежно устаревшими. Так почему же Адэр, в чьих жилах течёт кровь великого отца, не может поступить точно так же? Счёл необходимым приблизить к себе толкового человека? – замеча-

тельно, что такой оказался рядом. А то, что человек низкого происхождения – не так страшно. Адэр пытается устоять на ногах, для этого все способы хороши.

На всякий случай Трой организовал поездку Элайны в Порубежье, а когда она вернулась, выслушал её сетования на условия, в каких оказался её брат. Успокоился, узнав, что Малику выдворили из замка. И не встревожился, когда Элайну пригласили на заседание Совета.

Герцогиня была искусной сказительницей. Её слова облачались в видения и проплывали перед взорами мужей: престолонаследник накануне приёма, его речь перед дворянами, плетейка за его спиной. И вдруг Элайна принялась густыми красками описывать Малику: смазливая, распутная, глупая. Трой смотрел на герцогиню и не понимал, откуда в этом хрупком теле столько яда? А потом понял: таким способом она старается вернуть Адэра на родину.

Дадье приготовился держать бой с теми советниками, кто с завидным упорством настаивал на замене Адэра очередным наместником.

– Благодарю за исчерпывающий рассказ, герцогиня Гаяри, – обратился Моган к дочери. – Можете уйти.

Элайна присела и, метнув взгляд на Троя, покинула зал.

Первым заговорил подобный союзу палки и трости маркиз Патрик Каналь:

– Вчера Адэр сделал плетейку своей дамой. Сегодня усадит её в кресло советника. Завтра сделает ей предложение. А послезавтра привезёт её в Тезар и заставит нас кланяться ей в ноги. Мы хотели пробудить в нём правителя. Пробудили.

– Не надо утрировать, – отозвался маркиз Суан Бархат. – Адэр сделал важный шаг: познакомился с местной знатью. И я не вижу ничего плохого в том, что ему помог человек, который знает этих дворян.

– Мои служанки знают всех в округе, но я не вожу их за собой, чтобы они нашёптывали мне на ухо, чем занимаются мои соседи, – возразил Каналь.

– Адэр не имеет права нарушать наши традиции, – подключился к разговору советник по вопросам госбезопасности.

– Предлагаю сформировать Совет Порубежья и отправить к Адэру, пока он не наломал дров, – подал голос главный финансист.

– Этим мы его унизим, – отозвался советник по промышленным вопросам. – Предлагаю дать ему в помощники людей, которые будут следовать нашим инструкциям.

Трой Дадье поднялся, вскинул голову и словно вырос.

– Кто осмелится указывать правителю, как ему править страной? Вы? Или вы? – проговорил он, указывая на мужей. – А может, вы? – Прошёлся вокруг стола, остановился за спиной Каналья. – Будь ваша воля, вы бы привязали Адэра к юбке своей дочери.

– Это не относится к делу, – произнёс Каналь.

– Если бы Адэр приблизил к себе благородную даму, вы бы всё равно нашли к чему придаться, – проговорил Трой и заметил, как через зал, согнувшись чуть ли не до пола, прошмыгнул молодой человек в униформе телефониста, положил на стол рядом с его блокнотом сложенный листок и так же быстро удалился.

Трой направился к своему креслу:

– Я поддерживаю правителя Адэра Карро в его начинаниях. Он использует любую возможность, чтобы получить необходимую информацию и собрать вокруг себя единомышленников.

Взял со стола записку:

– Я уверен, что он сформирует Совет в срок. – Раскрыл послание. – Наша задача – держать руку на пульсе событий и вовремя реагировать на его сбой.

Пробежал взглядом по строчкам. Сердце скакнуло к горлу, замерло и неровно забилось.

Старший советник так стремительно прошёл через приёмную, что секретарь не успел даже встать из-за стола.

Влетев в кабинет, Трой прижал трубку к уху: «Когда?» – и рухнул в кресло.

~ 9 ~

Первое, что увидел Вилар, – это нависающая над ним каменная глыба. Она то приближалась, позволяя рассмотреть трещинки и шероховатости, то резко взлетала, превращаясь в размытое пятно. Наверное, поэтому казалось, что тело находится в невесомости и раскачивается в такт ударам сердца. Хотелось уцепиться взглядом за что-нибудь незыблемое, остановить раскачивание брэнной плоти и ощутить под собой твёрдую землю.

Вилар с трудом отвёл глаза от глыбы и увидел стоящего на коленях старца. Седые нечёсаные пряди спадали на острые плечи. Выцветшие сине-зелёные глаза окружала мелкая сетка морщин. Бронзовая кожа обтягивала продолговатое лицо, впалую грудь и жилистые руки.

Старик произнёс с акцентом:

– С возвращением.

Вилар пошевелился и вскрикнул. Боль металлическим прутом пронзила спину вдоль позвоночника и вылетела из темечка.

Сквозь шум в ушах пробился скрипучий голос:

– Не спеши.

Прохладные тонкие пальцы иголками впились в виски. Голова просветлела, боль в спине притупилась.

Старик накинул на себя холщовую рубаху. Повязал голову платком, затянул узел на затылке. Что-то в его лице и движениях было до ужаса знакомым.

– Пить, – прошептал Вилар.

Старик приподнял ему голову. К губам прижался край жестяной кружки. Уже допив холодную воду, Вилар ощутил во рту странный кисловатый привкус.

– Что это?

– Трава.

– Где я?

– У нас. Ты болен. Спи.

Старец опустил ладонь ему на лицо и вновь сдавил виски. Вилар вдыхал знакомый запах и не мог его вспомнить. Мысли лениво ворочались в голове, тело приятно тяжелело. Погружаясь в сон, Вилар улыбнулся – ладонь старика пахла рыбой.

Снилось что-то тихое, безмятежное. Но сон бесследно испарился, забрав с собой спокойствие и тишину.

Вилар скользнул взглядом по плите над головой, скосил глаза. Пенистые облака бороздили лазурное небо. Чайки с детским плачем взмахивали белыми крыльями.

Дети... Здесь дети... Скривившись от боли, Вилар повернул голову.

Загорелые до черноты ребятишки строили из песка замки, с задорным смехом гонялись друг за другом, с разбега влетали в волны. Женщины в белых платках и серых мешковатых одеждах что-то помешивали в котлах, висящих над кострами, и покрикивали на расшумевшуюся детвору.

В тени скалы смуглая девушка чинила сети. Но в Порубежье не занимаются рыбной ловлей. Значит, это не Порубежье.

– Где я?

Девушка оторвалась от своего занятия и крикнула:

– Йола!

Вилар попытался сесть. Всё куда-то поплыло: девушка, сети, небо. Плечо стиснула чья-то ладонь и заставила лечь.

– Не спеши, – прозвучал скрипучий голос.

Сквозь туман в глазах удалось рассмотреть старика.

– Кто вы? – спросил Вилар.

– Ориенты. Моё имя Йола.

Вот, значит, к кому он попал...

– Йола будет лечить, – произнёс старец и с помощью девушки осторожно перевернул Вилара на живот.

Уткнувшись лбом в плоскую подушку, Вилар старался вспомнить, что читал о морском народе. На ум пришла сказка о способности ориентов дышать под водой.

Старческие пальцы с нестарческой силой вонзались в шею и плечи, костяшками вдавливались в позвоночник. Спина горела огнём, а тело сотрясал холодный озноб.

Йола уложил Вилара на спину, подоткнул под него одеяло:

– Два дня спал и лежал ровно – очень хорошо.

– Два дня?!

– Два дня мало.

– Как я здесь оказался?

– Йола сболтнёт. Великий накажет.

– Вы спасли человеку жизнь. За это не наказывают.

Старик неопределённо пожал плечами и отвернулся.

В голове крутилось: Великий накажет... Великий... Как же он забыл?.. Двадцать лет назад Моган своим беспрецедентным законом запер племена морского народа на мизерных клочках побережья и запретил им покидать свои земли. Видимо, в ту злополучную ночь ориенты нарушили закон.

Вилар улыбнулся:

– Я никому не расскажу.

Йола посмотрел на него с сомнением.

– Даю слово! – пообещал Вилар.

Старик потёр мизинцем кончик носа и заговорил. Ориенты действительно покидали резервацию. В ближайших посёлках они обменивали рыбу на одежду, капроновую нить и кухонную утварь. Той ночью рыбаки расположились под обрывом в пяти милях от лагеря. Ожидая соплеменников, развели костёр. К тому времени они успели вытянуть сети и свалить их под скалой. Сидели кружком, прислушиваясь к непонятному шуму, доносящемуся сверху. И только заметив на краю обрыва силуэт человека, не стовариваясь, схватились за невод и натянули его. Это не спасло Вилара от травмы, но сохранило ему жизнь.

– Йола сделал всё, что умеет, – сказал старец.

Вилар дотянулся да его руки и крепко, насколько смог, сжал сморщенные пальцы:

– Спасибо! – Зажмурился, испугавшись, что непрошенные слёзы собьют с мысли. – Мне надо вернуться домой. Сегодня.

Старик хрипло рассмеялся:

– Вернуться куда?

– В замок. Я не знаю, как он называется. Когда-то он принадлежал королю Грасс-Дэмора. Я там живу.

– Как твоё имя?

– Вилар.

– Вилар не может ходить.

– Отправь кого-нибудь. За мной пришлют машину.

Старик покачал головой:

– Йола не может рисковать людьми. Наместник увидит ориентов и отправит в искупительное поселение.

– Нет никакого наместника! – в сердцах воскликнул Вилар. – Теперь в Порубежье есть правитель.

– Правитель? Так, значит? – Старик прищурился. – Новый правитель отменил старый закон?

Болезненная усталость туманила голову. Не было сил ни молить, ни убеждать.

– Сколько тебе лет? – пробормотал Вилар, еле ворочая языком.

– Много.

– И моему отцу много. Ему скажут, что я пропал... Страшно подумать...

Мысли закружились. Вилар пытался выхватить из хоровода хоть одну и вспомнить, о чём говорил секунду назад.

На лицо легла ладонь, сверху, будто с небес, прозвучал голос:

– Спи.

Проваливаясь в чёрную бездну, пропахшую рыбой, Вилар прошептал:

– Малика.

Со стороны моря ориенти вбили колья и закрепили на них парусину, чтобы крепчайший ветер не доносил до больного морскую прохладу. С наступлением сумерек в лагере стало непривычно тихо. Вилар дотянулся до грубой ткани и приподнял край.

Мужчины сидели вокруг костра. Оранжевые языки пламени лизали тёмное небо. Снопы искр сверкали умирающими звёздами и растворялись во мгле.

Ориенты, все как на подбор невысокие, коренастые, загорелые, походили на акробатов из цирка, восхищавших публику шириной плеч и бугристостью тел. Их движения напоминали взмахи крыльев чаек, речь звучала подобно шуму волн: слова накатывали, взгромождались друг на друга и, достигнув апогея, протяжно шуршали, как галька под отступающим морем.

Старшим на Совете был Йола. Когда старик вскидывал руку, все умолкали. Он говорил, затем жестом разрешал одноплеменникам продолжать обсуждение.

Женщины бесшумно передвигались по лагерю, склонялись над костерками, помешивали варево, снимали с верёвок бельё. Детей задолго до начала Совета загнали в самодельные шатры. И за всё время не прозвучало ни единого детского слова, смеха или плача младенца.

Вилар наблюдал за ориентами, до боли в пальцах сжимая жёсткую ткань. Не зная их языка, прекрасно понимал, о чём они спорят.

Наконец все высказались. Затянувшееся молчание превратилось в изошрённую пытку. Вилар опустил полог и, откинувшись на подушку, стал считать удары охваченного паникой сердца.

Из-за парусины появился Йола. Присев на корточки, тихо спросил:

– Вилар скажет Йола, кто такая Малика?

– Откуда ты о ней знаешь?

– Вилар звал.

– Эта девушка ушла из замка. Я поехал за ней, а попал сюда.

– У Малики чёрные глаза?

Вилар приподнялся на локтях:

– Да. Ты с ней знаком?

– А мать... или отец у Малики есть?

– Нет. Только дед. Его зовут... – Вилар сморщился, пытаясь вспомнить имя. – Кажется,

Мун.

– Мун?

– Да, точно, Мун.

– В замок пойдём утром. Сейчас спи.

Опустив голову на подушку, Вилар не сдержал рыданий.

– Не надо плакать, – сказал старик и укрыл его одеялом.

Тихо переговариваясь, женщины складывали в котомки провизию. Мужчины мастерили носилки из двух деревянных перекладин и рыбацкой сети. Вскоре Вилар, замотанный в одеяла, уже лежал на носилках. Ориенты опутывали его верёвками, Йола давал указания и проверял прочность узлов.

Процессия из восьми мужчин, двух женщин и старика двинулась в путь. Вилар поглядывал на одеяло, стянутое шнурами, и задавался вопросом: зачем они? Ни подняться, ни тем более сбежать он не мог. Каждое движение отдавалось в теле звонким эхом боли.

Чтобы отвлечься от волнений, Вилар посмотрел на море. Ленивые волны отражали солнечные лучи и, перекачиваясь, искрились россыпью драгоценных камней. От их блеска застелились глаза, и Вилар уставился в небо, но, ослеплённый солнцем, повернул голову на другой бок и заскользил взглядом по каменной стене. Иногда виднелись уступы и выбоины с неровными краями. Порой скала плавно перетекала в крутой склон, затем в более пологий спуск, но вскоре неизменно принимала гордое вертикальное положение.

Каждый раз, когда носилки проплывали мимо косогора, Вилар задерживал дыхание. Однако ориенты равнодушно шагали дальше, поднимая ногами белый песок.

– Разве путь вдоль берега короче? – спросил Вилар.

– Путь длиннее, зато легче, – ответил Йола и указал вверх. – Там пыль и сухой ветер. Морскому народу без морского воздуха плохо.

Воздух был поистине прекрасен: прозрачный, свежий, бодрящий. Даже песок, вылетая из-под ног ориентов, падал очищенными кристаллами.

Ориенты шли, не сбавляя темпа. Монотонный шум волн, размеренное покачивание носилок убаюкивали. Вилар то погружался в дрему, то смотрел в широкие спины. Одна четвёрка носильщиков сменяла другую. Время от времени Йола брал Вилара за запястье и беззвучно шевелил сморщенными губами.

– Пора, – наконец сказал старик.

Несколько часов пролетело в попытках подняться на край обрыва. Для крепкого мужчины нет ничего проще, чем взобраться наверх, держась за сброшенную верёвку. Однако с тяжёлой ношей, требующей бережного обращения, задача казалась почти невыполнимой.

Когда носилки вставали свечой или наклонялись набок, Вилар кусал губы до крови и сжимал кулаки. Посматривая на багровое солнце, готовое нырнуть в море, просил людей потопиться. Наконец, увидев сумеречную пустошь, измученно улыбнулся – самое страшное уже позади.

Чем дальше от моря уходили ориенты, тем надсаднее становилось их дыхание. Привалы участились, участилась смена носильщиков. Луна спряталась за тучи, и ночь укутала путников непроглядной мглой.

Раздался дикий, угрожающий рёв. Его подхватили рвущиеся в надрыве звериные глотки. Ориенты закричали. Это был крик не охваченных страхом людей, крик не загнанных животных и не отравленных птиц. Этот крик нёсся, словно мощная волна, сокрушая всё вокруг и вселяя в сердце ужас.

Внезапно наступила тишина, настолько душная и необыкновенно плотная, что Вилар испугался – оглох. Несколько раз с усилием сглотнул слюну, уловил хриплое дыхание людей и только тогда почувствовал жжение в распоротых верёвками ладонях. Такой жуткой сказки о морском народе он не слышал...

День тянулся так же медленно, как и ночь. Теперь ориенты во время привалов сидели с закрытыми глазами и пели. Вилар сначала пытался заглушить их протяжное «м-м-м» думами,

затем считал секунды, складывал их в минуты, а потом ловил себя на том, что его мычание перекрывает голоса ориентов. После таких привалов шаг морского народа вновь становился лёгким и быстрым, и Вилар, покачиваясь на носилках, на время забывал о боли.

– Скоро! – произнёс Йола.

Вилар приподнял голову и рассмеялся. На горизонте виднелся замок. Солнечные лучи отражались от блестящих козырьков на каминных трубах и создавали над зданием нимб.

Пронзила внезапная мысль. Смех застрял в горле. Не в силах совладать с волнением, Вилар вцепился в верёвки. Признаться или промолчать? Но это так низко – струсить в последнюю минуту, когда есть возможность всё изменить.

– Я должен кое в чём признаться.

В глазах старика появилась тревога.

– В замке живёт правитель Порубежья – Адэр Карро. Его отец, Великий Моган, лишил морской народ свободы, воли и земли, – сказал Вилар и заметил, как напряглись мышцы носильщиков, как женщины, всю дорогу шедшие сбоку от носилок, отстали, как заострился кончик носа Йола. – Опустите меня на землю.

Ориенты подчинились.

– Я не подумал, что это для вас важно, – продолжил Вилар. – Я не подумал о вас. Оставьте меня здесь. Забирайте носилки и уходите. Я не пропаду, до замка рукой подать. Мне уже намного лучше, честно. И я никому не скажу, как здесь оказался. Даю слово. И ради бога, простите меня.

Люди молчали, исподлобья бросая взгляды на Йола, а старец смотрел вдаль.

Адэр сидел на той же ступени, где некогда сидел Вилар. Надежда жила пять долгих дней. Теперь она билась в предсмертных конвульсиях.

Адэр вскочил и, запрокинув голову, закричал:

– Обманщик! Подлый обманщик! Лгун! Предатель!

Он кричал, брызжа слюной и потрясая кулаками. Звериная злость хлестала раскалённой лавой. Слуги со страхом выглядывали из окон и прятались за шторами.

Адэр замолчал на полуслове. На горизонте при полном безветрии появилось завихрение пыли. Явно не от автомобиля – не та скорость и не те размеры. Но и в одиночку человек не мог сотворить столь заметную пелену.

– Я убью тебя, если это не ты, – прохрипел Адэр.

Он бежал изо всех сил, не замечая ни камней, ни ям. Он уже не бежал, а летел на одном бескрайнем выдохе, не чувствуя ног, не слыша сердца. Он ветер, для которого нет времени, расстояния и преград.

Адэр упал на колени. Вцепившись в верёвки, зарылся лицом в колючее одеяло. Слыша, как плачет и смеётся Вилар, смеялся и плакал сам.

Провёл ладонью по щеке друга, сжал плечо:

– Я боялся, что больше тебя не увижу. – Посмотрел на смуглых людей в серых просторных одеждах. – Это они тебя нашли?

Вилар кивнул:

– Они. Это ориенты – морской народ.

~ 10 ~

Старик сбросил с кровати подушки. Присев на перину, несколько раз подпрыгнул. Ориенты перенесли Вилара с носилок на постель и выскользнули из комнаты.

Адэр привалился плечом к стене возле изголовья:

– Я отправлю кого-нибудь в город. Но боюсь, врач приедет только завтра.

Вилар тепло посмотрел на старика:

– Врач не нужен. У меня есть Йола.

Старец помог Вилару снять рубашку и перевернуться на живот. Адэр выпрямился, увидев спину друга, всю в лиловых синяках и ссадинах. Узловатые пальцы старика пробежали вдоль позвоночника, надавили на плечи и шею. Морщинистая пятерня легла на затылок и чуть заметно напряглась. На впалых щеках друга заиграл румянец, дыхание выровнялось. Вилар сомкнул веки. Йола укрыл его одеялом и заботливо подоткнул края.

– Ты можешь остаться? – спросил Адэр, когда друг уснул.

– Йола должен остаться. Ориенты сейчас уйдут.

– Сейчас? Через пару часов стемнеет.

– Здесь сухой воздух. Тяжело дышать.

Адэр жестом приказал Йола следовать за собой.

Сад встретил запахом молодых трав и распустившихся цветов. На газонах вращались фонтанчики, распыляя воду.

Старик глубоко вздохнул:

– Одну ночь они спать тут. – Указал на замок. – Йола спать там.

Слуги предложили вынести в сад кушетки; ориенты, скупно улыбаясь, объяснили, что не привыкли спать над землёй. И вскоре траву под деревьями укрыли толстые пледы.

Адэр с Йола разместились в одной спальне с Виларом. Старец лёг на полу, Адэр сел в кресло. Йола рассказывал, Адэр хмурился.

Далеко за полночь рассказчик утомился и вяло произнёс:

– Вилар встанет. Йола поможет. И женщина.

– Какая женщина?

– Вилар звал её. Всегда звал. Малика.

– А без Малики нельзя?

– Можно, но будет долго.

Старик зевнул, через пару секунд послышался храп.

Утром ориенты собрались на кухне. Гюст сообщил им, что правитель отлучился по делам и просил не ждать его возвращения.

Посёлок проснулся. Хозяйки с корзинками наперевес потянулись по узким улочкам к местному базару. Молочник, выкрикивая: «Покупаем!», катил перед собой скрипучую тележку. Старик, сидя на деревянном крыльце в кресле-качалке, пролистывал газету. Через пыльную дорогу перебежали куры и с возмущённым кудахтаньем побежали обратно.

– Вот я вас, – кричала краснощёкая баба, размахивая тряпкой.

Уперев кулаки в бока, окинула грозным взглядом хибару на другой стороне проулка:

– Слышь, соседка!

– Ась? – прозвучало из раскрытого окна.

– Да ты не аськай, а следи за клушами.

– Чем помешали?

Мун не слушал перебранку товаров. Пересчитав сумки и чемоданы, посмотрел на маленький домик в два окна, на серую скошенную крышу, скользнул взором по заросшему бурьяном палисаднику и покосившемуся частоколу. Удручённо вздохнул. Они с Маликой редко навевались домой. Зато теперь новый владелец наведёт порядок. Ишь, как не терпится ему войти, всё топчется и топчется возле порога. Ещё и зверюгу приволок. Кот, под стать хозяину – такой же толстый и рыжий, словно услышал скверное слово в свой адрес, выпустил когти и цапнул толстяка за руку. Тот щёлкнул кота по носу.

Пока бывший и новый хозяева переминались с ноги на ногу во дворе, Малика, стоя на четвереньках, шарил ладонью под кроватью. Наконец нащупала закатившееся колечко. Протёрла подолом платья две изумрудные капли и спрятала память о маме в потайной карман.

С улицы донёсся шум двигателя автомобиля. Хлопнула дверца. Звонко и радостно загалдела детвора.

Малика пересекла комнату, боясь посмотреть в окно. Помедлила возле двери. Вскинув голову, шагнула через порог. Мун бросил на неё горестный взгляд. Новый владелец дома прижался к стене. Мальчишки плотным кольцом окружали покрытый пылью серебристый автомобиль, возле которого стояли Адэр и охранитель.

– Я как раз вовремя, – произнёс Адэр. – Поехали!

Малика низко присела и пробормотала, глядя в землю:

– Нам в другую сторону, мой правитель.

У толстяка отвисла челюсть. Мун беззвучно зашевелил губами. И только рыжий котяра, прыгнув с рук хозяина, важно прошествовал к правителю и с довольным урчанием потёрся о ноги. Охранитель жестом указал толстяку на открытую дверь. Тот юркнул в дом.

– Быстро в машину! – приказал Адэр и, не дожидаясь ответа, уселся за руль.

Малика взяла чемодан:

– Мы не поедем с вами.

Адэр посигналил, чем привёл детей в неопикуемый восторг. Из ветхих домов высыпали селяне. Из окон высунулись старики.

Охранитель подошёл к Малике:

– Ты не видишь разницы между приказом и просьбой?

– Я вольный человек, а не слуга.

Охранитель выхватил из её руки чемодан. Щёлкнул замок, на землю выпали вещи. Малика принялась заталкивать их обратно. Носок начищенного до блеска сапога наступил на полотенце. Малика дёрнула кусок льна на себя, ещё раз, ещё... Сапог приподнялся. Малика уселась в пыль. Над улицей пронёсся смех.

Адэр выбрался из автомобиля:

– Пошёл прочь! – Опустился перед Маликой на корточки и прошептал: – Я не умею просить.

Она смахнула с подбородка слезу:

– И не надо.

Адэр застегнул замки на чемодане, помог Малике встать:

– Есть разговор. Садись в машину.

Они разместились на заднем сиденье. Малика глядела на Муна, передвигающего сумки с места на место. Не видела Адэра, но чувствовала его горячее дыхание.

– Куда вы собрались? – прозвучал усталый голос.

– Я хочу посмотреть мир. Сколько себя помню, каждый день одно и то же: стены, лестницы, сад и пустошь.

– Что бы ты хотела увидеть?

Наблюдая за Муном, Малика пожала плечами:

- Не знаю. Просто новую жизнь.
- Ты думаешь, что она действительно окажется новой?
- Прошу вас, не мешайте нам.

После недолгого молчания Адэр произнёс:

- Вилару тоже чего-то не хватало в старой жизни.

Малика повернулась к нему. На осунувшемся лице резко выделялись скулы. Нос заострился. Синие глаза лихорадочно блестели. Как же она не заметила?..

- Вы больны?
- Не я. Вилар.
- Что с ним?
- Несчастный случай.
- Почему вы здесь? Почему не с ним?
- Ему нужна ты, а не я, – сказал Адэр и отвернулся.

Малика взялась за ручку дверцы.

- Я прошу тебя, – прозвучало в спину. – Прошу тебя вернуться в замок.

Она открыла дверцу.

- Малика! Я впервые в жизни сказал «прошу». Не заставляй меня пожалеть.

Так просто сказать «нет», но как бы Малика ни храбрилась, новая жизнь её пугала. Куда их с Муном занесёт? И сможет ли она найти работу и содержать пусть маленькую, но семью? На то, чтобы куда-то взяли старика, глупо рассчитывать.

Кроме этих мыслей что-то ещё удерживало Малику в машине. Прислушиваясь к себе, она ощущала тонкую нить, тянущую в замок. Словно лишь там ей вновь станет легко дышать и прекратится стонущая боль в груди, которая появилась совсем недавно.

- Мун будет смотрителем?

– Да.

- А я? Кем буду я?

Немного подумав, Адэр ответил:

- Ты сможешь маркизу выздороветь.

Чтобы не расплакаться, Малика закусил губу. Ей отведена роль целительной пилюли.

В спальне витал вязкий аромат травяных настоек и мазей. К ядрёным запахам клевера, полыни, багульника и мяты примешивалось сладковато-тягучее благовоние мёда и акации. Воздух одновременно дурманил и бодрил. Как будто сидишь у звонкого горного ручья, свежесть прохладной воды наполняет тело бодростью, а от душистого дыхания ветерка, прилетевшего с цветущих лугов, клонит в сон.

Воображение так чётко нарисовало картину уединения на лоне природы, что Малика на миг растерялась и не сразу заметила стол, сплошь заставленный баночками и бутылочками, и плед, почему-то постеленный на полу.

Адэр облокотился на изголовье широкой кровати. Смуглый старик в серой холстяной одежде отвесил низкий поклон. Две служанки засеменили к выходу. Проходя мимо Малики, хмыкнули.

Она всю дорогу представляла встречу с маркизом, продумывала фразы, которые смогут объяснить ему, что рассчитывать на её доступность бессмысленно. Теперь смотрела в запавшие глаза и понимала: Вилар ждал её так, как никого в своей жизни не ждал. Этот мужчина влюблён. Он будет слушать только своё сердце.

Малика подняла с пола плед:

– Почему вы в постели?

– Так получилось, – улыбнулся Вилар.

Малика бросила плед на кресло, спрятала за спину руки и сцепила пальцы:

– Вы не похожи на больного.

Это неправда. Даже несведущему в медицине человеку было понятно, как плохо себя чувствует маркиз. От былой упитанности и следа не осталось: из-под одеяла выглядывали худые плечи, щёки втянулись, глаза провалились.

Вилар похлопал по постели рукой, обтянутой бледной кожей:

– Присядь.

Заметив, как Адэр скривил губы, Малика выпалила:

– После долгой дороги не помешало бы пообедать. И вещи за меня никто не разложит.

Адэр хмыкнул и, сбросив плед на пол, развалился в кресле.

– Ты придёшь ко мне? – спросил Вилар. – Позже, когда разложишь вещи.

Малика кивнула. А куда я денусь? Теперь я ваша сиделка.

~ 11 ~

Мун совершал обход своих владений. За неделю ничего не изменилось. Слуги, занятые работой, окликали его и поздравляли с возвращением. Он махал рукой в ответ и продолжал путь. Спустившись в сад, заметил Адэра с каким-то человеком. Не желая лишний раз попадаться правителю на глаза, пошёл обратно. Сделав несколько шагов, медленно обернулся. Все звуки исчезли. Хотелось кричать, но голос пропал.

Мун брёл по газонам и клумбам, сминая цветы и ломая побеги кустов. Схватив Йола за рукав, выдавил:

– Брат.

Держа Йола за руку, словно страхась, что тот исчезнет, открыл двери флигеля. Злился, что слишком длинный коридор, и боялся, как бы от неожиданного счастья не остановилось сердце. Войдя с братом в комнату, разрыдался.

Йола принялся вытирать слёзы на его щеках:

– Мун научился плакать.

– Жизнь научила.

Хотелось прижать Йола к себе и не отпускать. Испугавшись, что от переживаний подкочкуются ноги, Мун усадил брата на кровать. Примостился рядом.

– Сколько мы с тобой не виделись, Йола?

– Двадцать четыре года.

– Двадцать четыре, – еле слышно повторил Мун.

Годы пролетели как сон. Вся жизнь пролетела как сон – тяжёлый, мучительный. Порой желание проснуться было настолько сильным, что Мун рвал на себе одежды, раздирал ногтями тело в кровь, призывая ангела смерти. И всякий раз вместо ангела появлялся кто-то, ради кого Мун продолжал жить.

– Йола думал, что брат за долиной Печали.

– Как видишь – нет, – проговорил Мун, разглядывая вздувшиеся вены на своих руках. – Я пробыл у морун всего три года.

– Йола думал, что с земель морун не возвращаются.

– Они насильно никого не держат.

– Йола думал иначе... Йола знал, что найдёт в замке брата.

Мун недоверчиво покосился:

– Откуда?

– Вилар два дня бредил и звал Малику. Редкое имя. Йола знал одну женщину с таким именем. Потом Йола узнал, что в замке жил Мун. Но Йола не знает, куда ушёл Яр.

Мун опёрся локтями о колени, уронил голову на грудь:

– Яра убили.

Йола в голос выдохнул:

– Горе-то какое.

– И жену его, Малику, тоже убили.

Йола обнял Муна за плечи:

– За твоей спиной одни могилы. Чем ты провинился перед Богом?

Мун посмотрел в выцветшие глаза:

– Чем мы провинились? Три брата – Йола, Мун и Ахе. У нас нет ни жён, ни детей. Когда мы так сильно нагрешили?

Йола тяжело поднялся. Немного потоптался, разминая ноги. Подошёл к окну:

– Почему ты не вернулся к морскому народу?

Мун горестно хохотнул:

– Потому что морской народ меня выгнал.

– Это было давно. После смерти Яра обиды уже не имеют значения.

Мун потёр глаза, пытаясь отогнать видения из прошлого.

Морун – представительниц древнейшего народа – боялись и ненавидели. Их считали и до сих пор считают ведьмами, которые превращают мужчин в рабов. Когда Яр – воспитанник Муна – полюбил моруну и решил на ней жениться, ориенти сначала попытались снять с него колдовские чары. Однако обряды и молитвы не помогли: Яр не находил себе места и рвался к любимой. Тогда его посадили в клетку, и он начал сходить с ума: был день и ночь, грыз железные прутья, рыдал как младенец. Мун сжалился над Яром и помог ему сбежать, за что ориенти назвали его предателем и изгнали из племени.

– Йола виноват перед Муном, – проговорил брат, отведя взгляд от вида за окном. – Йола не понимал Муна.

Мун покачал головой. Все силы ушли на то, чтобы вопрос прозвучал спокойно:

– Сейчас понимаешь?

– У Йола было время подумать. Йола надеялся встретить здесь Яра и попросить прощения. Теперь понесу вину до самой смерти. – Отодвинув стул от стола, брат сел. – О какой Малике говорил Вилар?

– У Яра и Малики родилась дочь Эйра. После смерти матери она взяла её имя.

– Правитель знает, что Эйра моруна?

– Нет.

– Почему она здесь, а не за долиной Печали?

– Долгая история. Не хочу рассказывать.

Брат потёр ладонями острые колени:

– Мун пойдёт с Йола к морскому народу?

– Только вместе с Эйрой.

Йола хмыкнул:

– Шутишь?

– Нет. – Мун расправил плечи. – Но даже если бы ориенти её приняли, я бы никогда её к вам не привёл. Потому что чистому и светлому человеку не место среди трусов и лжецов.

Брат вскинул руку:

– Мун, не надо. Йола хочет искупить свою вину.

– Воскресишь погибших?

Порывшись в кармане штанов, Йола положил на стол холщовый мешочек.

Мун нахмурился:

- Спрячь.
 - В мире Муна нужны деньги. Морской народ хочет помочь.
 - Спрячь!
 - Морской народ говорил на Совете и принял решение отдать тебе долю Яра.
 - Спрячь, иначе я вышвырну тебя из комнаты и забуду, что у меня был брат.
- Вздыхнув, Йола затолкал мешочек в карман.

Малика тихонько постучала и, заглянув в комнату, позвала:

- Мун. – Увидев на сером фоне окна два тёмных силуэта, пробормотала: – Я потом...
- Иди к нам, дочка, – сказал старик.

Малика в растерянности перешагнула порог. Она надеялась застать Муна одного и спросить его о брате. Сейчас корила себя за нетерпеливость. Наверняка старики вспоминали нечто приятное и сокровенное, не предназначенное для чужих ушей.

- Что это вы в темноте? – спросила Малика, лихорадочно придумывая повод уйти.
- Да так. Заговорились.

Мун чиркнул спичкой, зажёл стоящую на столе свечу. Пляшущий огонёк осветил седые пряди, морщинистые лица, усталые глаза, опущенные плечи.

Мун положил ладонь поверх руки брата:

- Это мой брат Йола.

– Я знаю, – улыбнулась Малика. – Весь замок об этом гудит. – Пристально посмотрела на стариков. – Вы так похожи!

- Как Вилар? – спросил Йола.

– Спит.

- Посиди с нами, – сказал Мун.

Малика почувствовала себя лишней.

- Вы целый день ничего не ели. Я что-нибудь принесу.

– Йола знал Яра, – еле слышно проговорил ориент.

– Помолчи, – прошипел Мун.

- Вы знали моего отца? – несмело переспросила Малика, решив, что ослышалась.

– Йола шёл сюда встретиться с Яром. Не встретился.

Маленькая комнатка заходила ходуном. Огонёк свечи расплодился сотней подрагивающих огоньков. Малика на ватных ногах подошла к столу, опустилась на стул.

Йола полез в карман широкой штанины. Достал холщовый мешочек, протянул Малике.

– Яр... – Старик обвёл комнату взглядом, будто искал слова в тенях, пляшущих на стенах. – Яр забыл у морского народа.

Малика непослушными пальцами развязала шнурок. На ладонь из мешочка выкатились разноцветные жемчужины.

- Что это?

– Ориенталь. Морской жемчуг. Он твой.

– Я не возьму.

- Это не подарок. Это Яра. Йола возвращает. – Старик сжал её подрагивающие пальцы. –

Неужели Йола зря нёс?

Обнял Малику, осторожно, ласково, и прошептал на ухо без малейшего акцента:

- Прости меня, дочка. Прости за всё.

Часть вторая

~ 1 ~

Отъезд ориентов никак не сказался на жизни замка. Коридоры продолжали хранить тишину, изредка нарушаемую звуками шагов прислуги. В саду примятая пледом трава, освободившись от гнёта, вскинулась и зазвенела соком. Пыль, поднятая колёсами автомобилей, унёсших ориентов к морю, успела осесть и покрыться следами ящериц и птиц. Солнце, равнодушно взирая на серые стены и безжизненные окна, палило жёлтую пустошь так же нещадно, как в предыдущие дни. А в кабинете за плотно закрытой дверью метался Адэр.

С раннего утра он взялся за отчёты, поступившие из различных контор и ведомств. Вагоны, которые в своё время подталкивали заместники, по инерции бежали по рельсам, и за несколько дней, проведённых в поисках Вилара, собралась целая стопа машинописных листов. Скоро к их штудированию приступят советники, и на стол в кабинете лягут сжатые, с чёткой информацией таблицы, какие Адэр видел на столе отца. Но пока...

Месяц назад, когда он впервые взял в руки деловые бумаги, им двигал интерес – чем же его одарил Великий? Если бы Адэр смог оценить подарок по достоинству и принять с благодарностью, то, возможно, простил бы отца. Не смог... Затем появилось желание найти хоть что-то обнадёживающее, светлое, что поможет расправить плечи и двигаться вперёд. Не нашёл... И в конечном счёте занимался рутинной работой по единственной причине: он хотел знать всё, или почти всё, чтобы ни советники, ни кто-либо другой не сумели обвести его вокруг пальца, как это сделал отец.

Некоторые документы Адэр изучал скрупулёзно, подчёркивал строки, выписывал в блокнот цифры. Некоторые просматривал и откладывал в сторону. Большинство листов без лишних раздумий сминал в кулаке и бросал в корзину для мусора – незачем собирать макулатуру.

Открыто хлебных лавок – три. Закрыто – восемь. Цена на мясо выросла на мор. Почему у порубежских денег такое мерзкое название? Умерших сто сорок, новорождённых сто шестьдесят. Хлеб исчезает, а бедняки плодятся.

Теперь налоги, пошлины и штрафы. Мизер. В прошлой жизни таких сумм Адэру хватало разве что на подарки племянницам. Но поднимать налоги нельзя. Нельзя начинать правление с непопулярных шагов, реформ и законов.

Рекордно высокая за последние двадцать лет температура воздуха. Метеосводки поступали дважды в неделю, и каждый раз сообщали о рекордах. Ошибка? Возможно. Только зачем ему это?

Плюс двести безработных. Пожар на мебельной фабрике, три жертвы. Чья фабрика? Гражданина Партикурама. Тогда неважно; налоги всё равно идут мимо казны. Слишком много свободы Великий дал иностранным дельцам, но пересматривать законы ещё рано.

Заведено сорок три уголовных дела. Двадцать семь преступников отправлены в искупительные поселения. Это неинтересно. Это не надо. И это ерунда. А здесь загнуть уголок, чтобы не забыть перечитать.

Ближе к вечеру Адэр добрался до низа стопки. Взял фирменный глянцевый бланк с оттиском печати отделения тезарского банка, пробежал взглядом по тексту и, бросив лист на стол, заметался по кабинету.

Он без пяти минут нищий – так гласила финансовая выписка. Почти всё, что было в казне, съели расходы на приём. Оставшихся денег едва хватит на содержание замка и жалование многочисленным конторским служащим. Да, он лично подписывал счета. По меркам

Тезара суммы были настолько смешными, что ему даже в голову не пришло сложить их и вычесть из имеющихся средств.

В дверь постучали.

– Что надо? – крикнул Адэр, еле сдерживаясь, чтобы не выскочить в приёмную и не надавать оплеух постучавшему.

На пороге возник Гюст:

– Вы просили родословные дворян. – Взглянув на Адэра, тотчас скрылся.

Адэр подлетел к окну, упёрся руками в подоконник. Ему уже не нужны родословные. Его поднимут на смех, если он предложит советникам работать в долг. Как же недальновиден был отец, отправив его в эту глушь. Недруги Великого только и ждут, когда престолонаследник Тезара покинет Порубежье с позором. И этот позор несмываемым пятном ляжет на честь династии Карро. Отец непомерно много поставил на карту. Зачем?

От удара кулаками по подоконнику зазвенели в рамках стёкла. Должен быть выход! Здесь и сейчас! Он обязательно есть! Надо только успокоиться и подумать.

Адэр бродил по пустым коридорам, кружил по комнате собраний, мерил шагами Мраморный зал. Когда лунную дорогу на огромной картине затянули полупрозрачные сумерки, Адэр перешёл в холл. Долго сидел в кресле и, поглощённый мыслями, не заметил, как его окутал полумрак.

Послышались тихие шаги. Из-под центральной лестницы выплыла тень. Немного помедлив, взлетела по ступеням.

– Стоять! – крикнул Адэр. – Включить свет!

Раздался щелчок. Яркий свет люстр залил холл.

Наверху лестницы замер охранитель:

– Простите, я не хотел вас разбудить.

Адэр направился в потайной коридор, берущий начало под лестницей. Убегая в темноту, он вёл в полуподвальные помещения. В начале коридора серела дверь. Адэр открыл её ударом ноги. Нашупал на стене выключатель. Тускло загорелась лампа. Взгляд скользнул по комнатке, остановился на телефоне.

– Мой господин, – прозвучал за спиной срывающийся баритон.

Адэр подошёл к столу, снял трубку.

– Приёмная старшего советника Троя Дадье, – пропело в ухо. – Представьтесь.

– Я объясню, – словно с того света донесли слова охранителя.

– Охранитель Адэра Карро, – сказал Адэр телефонистке. Никакой она не секретарь. И сидит не в приёмной, а в секретном отделе.

После скрипа и писка послышался недовольный голос Троя:

– Что-то ещё?

Адэр опустил трубку на рычаг, повернулся к посеревавшему как стена человеку.

Малика украдкой посматривала на тёмные окна и сдерживала вздохи. Вилар увлёкся рассказом о дорогах в Тезаре и забыл о времени. Когда из гостиной донёсся звук шагов, Малика радостно заёрзала – вот и Адэр, её спаситель. Вскочила со стула. Вилар умолк на полуслове.

Адэр прямоком от порога двинулся к Малике, впиваясь в лицо колючим взглядом:

– Кем тебе приходится Мун?

Малика сделала шаг назад:

– Он заменил мне родителей.

– Значит, ты сирота.

Малика коротко кивнула.

– Сколько лет вы в замке?

– Осенью будет двадцать.

– Почему наместники меняли слуг, а вас не трогали?

– Наверное, они доверяли нам.

Адэр сверкнул глазами:

– Я не доверяю! Я никому не доверяю!

– Тогда почему мы здесь?

Адэр заложил руки за спину, качнулся с пятки на носок:

– Мун ориент. Он нарушил закон Великого о резервации.

– Он покинул свои земли задолго до закона. Потом у него появилась я. Морской народ чужаков не принимает.

– Это правда, – откликнулся Вилар. – Я не видел среди ориентов людей другой национальности.

Адэр посмотрел через плечо, вновь направил взгляд на Малику:

– За что закрыли ориентов?

– Я не знаю.

– А климов?

– Не знаю.

– А ветонов?

– Не знаю, – с надрывом произнесла Малика и, вмиг лишившись сил от волнения, шёпотом добавила: – В законе Великого не говорится о причинах.

Адэр вздохнул с таким видом, словно приготовился разразиться гневной тирадой. И промолчал.

Малика вытерла о платье вспотевшие ладони. Он не спросил о морунах. Да, закон о резервациях касается трёх древних народов: ориентов, климов и ветонов, но есть ещё один древний народ, который самовольно закрыл себя, своих мужей и детей за долиной Печали. Он ничего не знает о морунах!

– Можно мне уйти? – еле слышно спросила Малика.

Адэр развалился в кресле и жестом приказал ей сесть. Она опустилась на краешек стула, подложив под себя дрожащие ладони.

Казалось, что находящиеся в комнате люди затеяли какую-то игру. Каждый смотрел куда угодно, лишь бы не встречаться взглядами, и упорно не издавал ни звука.

Первым не выдержал Вилар:

– Мы говорили о дорогах. Если бы здесь были такие же дороги, как в Тезаре, я бы не лежал сейчас в постели.

– Ты лежишь, потому что послушный больной, – сказал Адэр.

– Пока вы сформируете Совет, я бы мог заняться...

– У меня нет денег на строительство дорог.

– А как же прииски?

Адэр скривил губы:

– Ты знаешь, как делится прибыль?

Вилар отрицательно покачал головой:

– Не знаю.

– Малика! А ты знаешь?

Она кивнула.

Адэр хохотнул:

– Вся прислуга знает, а мой будущий советник – нет.

– Не вся, – возразила Малика. – Только я. В архиве хранятся протоколы собраний. Некоторые документы стали похожи на промокашку. Мне приказали их перепечатать.

Адэр похлопал ладонями по подлокотникам кресла:

– Ну, раз ты такая умная, просвети маркиза.

– Двадцать пять процентов идут на расходы прииска. Двадцать пять – в вашу казну. Пятьдесят – в казну Великого.

Адэр усмехнулся:

– Вот и вся арифметика. Справедливо?

– Вы можете что-то изменить? – спросил Вилар.

– Долю Тезара трогать нельзя. Можно пересмотреть долю приисков.

– Вы не знаете... – начала Малика.

– Молчи, если тебя не спрашивают, – перебил Вилар.

– Пусть говорит, – откликнулся Адэр.

Она вздохнула. Поздно держать рот на замке.

– Я хотела сказать: никто толком не знает, куда на самом деле уходит доля приисков.

– Отчёты помощников наместника рисуют чёткую картину. Прииски купаются в деньгах: начальники строят здания, покупают новое оборудование, нанимают толпы рабочих.

– Помощники ни разу там не были.

Адэр покачал головой:

– Ох уж эти взгляды прислуги.

Малика вздёрнула подбородок. Какими бы ни были её взгляды, она смотрит прямо, а не щурится презрительно, как он.

– А что ты скажешь об отчётах начальников? – проговорил Адэр наигранно-добродушным тоном. – У меня в кабинете их целый ящик.

Малика улыбнулась:

– Вы же никому не доверяете.

– Начальник не станет писать, что у него всё отлично, когда на самом деле плохо.

– Станет.

– Где логика?

– Он напишет всё что угодно, лишь бы к нему не совались с проверками и не учили его работать.

Адэр откинулся на спинку кресла, забарабанил пальцами по подлокотникам:

– Нелепое утверждение.

– Я не утверждаю, а предполагаю. При мне проводили всего одну проверку, когда на каком-то прииске произошла авария, и два месяца в казну не поступали деньги.

– Сколько лет ты была секретарём?

– Какая разница? В архиве я пересмотрела каждую бумажку. Первое время – да, были проверки. Даже планировали кое-где провести реконструкцию. А потом посчитали – невыгодно – и решили, что и так всё хорошо.

– Сколько в Порубежье приисков? – спросил Вилар.

– Шесть, – ответил Адэр.

– Шесть действующих и два закрытых, в аварийном состоянии, – уточнила Малика.

Адэр вздёрнул брови:

– В документах про них ни слова. А это значит, что вся прибыль с неизвестных Тезару приисков моя.

– А это законно? – засомневался Вилар.

– В договоре с Тезаром значится шесть приисков. Шесть! А не восемь.

– Понятно... На их ремонт нужны деньги.

– Не больше, чем на строительство дорог. – Адэр вскочил, сделал круг по комнате. – Я сам поеду и сам всё проверю.

– Ну нет! – воскликнул Вилар. – Прииски того не стоят.

Адэр кивком указал на Малику:

– Посмотри на неё и посмотри на себя. Это стоило того или нет?

Если начались оскорбления, пора уходить. Она поднялась:

– Можно мне уйти?

– Ты едешь со мной.

– Я?.. Я не могу.

– Разве я спросил?

Малика с мольбой посмотрела на Вилара.

– Надо отправить посыльного с сообщением о вашем приезде, – сказал он.

Малика приоткрыла рот. Она надеялась, что маркиз будет стоять на своём и отговорит правителя от поездки или попросит подождать и отправиться на прииски вместе, когда Вилар окончательно выздоровеет. Похоже, он совершенно не умеет отстаивать свою точку зрения.

– Если вы за две недели перевернули замок, представляю, как там подготовятся к встрече. Едем завтра, – произнёс Адэр и обратился к Малике: – Хватит пялиться на маркиза. Лучше принеси из моего кабинета карту.

Она выскочила из комнаты. Пока бежала в кабинет и обратно, шептала: «Только не с ним. Только не с ним». Вернувшись в спальню, вручила Адэру старую, истёртую до прозрачности карту.

Он разложил её поверх одеяла. Скользя по расчерченному полю пальцем, объяснял маркизу:

– Прииски обозначены крестиками. Видишь? Шесть. Не так далеко от замка. – Глянул на Малику: – Где ещё два?

– Не помню.

– Но они точно есть?

– Точно! Помощники наместника обсуждали смету ремонта, потом отложили вопрос до весны, а потом наместник умер.

– Давно это было?

– Давно. Пять или семь лет назад. Если надо, я поищу в архиве протоколы собраний.

Адэр свёл брови, прикидывая в уме, сколько бумаг скопилось за эти годы.

– Начальников расспросим. – И склонился над картой.

Адэр и Вилар рассчитывали расстояние и время, спорили о необходимости проверки всех приисков, а Малика уныло думала о предстоящем разговоре с Муном.

Они редко покидали стены замка: если старик сильно болел или когда новый наместник решал их дальнейшую судьбу. Они приходили в свой дом, Мун запрещал ей показываться на людях, и Малика смотрела на жизнь из окна. Затем Мун на день-два возвращался в замок, чтобы узнать решение ставленника Великого, а она, сначала опасливо, затем всё смелее, бродила по улицам, наслаждаясь свободой. Никому не было дела до её глаз, никто не спрашивал о морунах. Занятые своими делами люди, казалось, начисто забыли о таинственном народе, исчезнувшем сто лет назад.

Но бывало, что какая-нибудь старуха на базаре, указывая на неё, говорила капризному внуку: «Не будешь слушаться, моруна утащит». И Малика поняла: не стоит бояться разоблачения там, где про морунов ходят детские сказки, где вживую никто их не видел. Но Муну это не докажешь.

Завтра она вместе с Адэром отправится в Бездольный Узел – так называется район, где расположены прииски. Долина Печали, за которой живут моруны, находится в другой стороне. Значит, опасаться нечего. Но Мун...

- Уснула? – из раздумий вывел резкий голос. – Иди, собирайся. На рассвете выезжаем. Когда за Маликой закрылась дверь, Адэр принялся мерить комнату шагами:
- Мы поедем как простые инспекторы.
- Зачем тебе Малика? – спросил Вилар, складывая карту.
- Инспекторы в одиночку не ездят.
- С тобой будут охранители.
- Не будут. Они служат Тезару, а не мне.
- Твой отец не одобрит.
- Меня меньше всего волнует чьё-то одобрение.
- Возьми кого-нибудь другого, – настаивал Вилар.
- Взять больше некого. – Адэр посмотрел на подрагивающие руки друга. – Что с тобой?
- Ничего. Обычная слабость.
- Я привёз тебе лекарство от всех болезней, а ты до сих пор себя неважно чувствуешь? Может, надо пересмотреть дозировку?
- Адэр.
- Она не так хороша, как ты думал?
- Адэр! Пожалуйста!
- Или ты копишь силы?
- Адэр! Прекрати!
- Адэр нахмурился:
- Ты, случайно, не влюбился?
- В кого? – измученно спросил Вилар.
- Вот я и думаю: в кого?
- Да, она мне нравится. Нравится как умный и интересный человек.
- Надеюсь на твоё благоразумие. – Адэр облокотился на спинку кровати. – Кажется, я понял, почему в Порубежье такая нищета.
- Почему?
- Казна мельчала от наместника к наместнику. То, что можно было вложить в страну, они складывали в карман. Но меня мучает другой вопрос: почему страна, в которой всегда добывали драгоценные камни, стояла на коленях задолго до грабительской доли моего отца? – Адэр прошёлся по комнате, задержался возле окна. Глядя в звёздное небо, вздохнул. – Пойду, озадачу костюмера.

~ 2 ~

Езда по бездорожью стала лучшим лекарством от злости и смятения. Вырвавшись из замка, Адэр другими глазами смотрел на мелькающие за окном картины. Безбрежная пустошь дышала волей, знойный ветер летел птицей, небесная лазурь раскинулась морем, махровые облака превратились в корабли.

Он вдыхал солёный воздух, и к нему возвращалось былое спокойствие. Он крепче сжимал руль, и в него перетекала мощь машины. И не так ужасно, что рядом сидит серое пятно, а не нежное создание. Когда вокруг такое раздолье, мелкие огрехи не волнуют.

Недолгая поездка представлялась весёлым приключением, или спектаклем, где он исполняет роль рядового служащего и даже одет подобающим образом: устаревшего покроя шёлковая рубашка и штаны из недорогой ткани. Где костюмер нашёл одежду? Вероятно, позаимствовал у охранителей. У кого ещё такой рост и размах плеч, как у господина?

Но от своих сапог Адэр не смог отказаться. Носок отполирован так, что казался не чёрным, а серебряным – посмотришь и своё отражение увидишь. Между головкой и голенищем

почти незаметные складочки, кожа мягкая, но отлично держит форму. И главное – сапоги чужой ногой не пахнут. А если потоптаться в пыли и песке, никто не обратит на них внимания.

И от машины не смог отказаться. Мощная, сверкающая серебром, как сапоги, с огромным баком для горючего, она, словно второе «я», прикипела к хозяину. О ней можно сказать – если кто-то спросит, – что это подарок правителя за заслуги.

– Придумай мне имя, – обратился Адэр к Малике.

– Зачем?

– Ты не можешь обращаться ко мне «мой господин». Какое имя тебе нравится?

– Яр.

– Ухажёр?

– Нет. Так звали моего отца.

– Хорошо, Яр так Яр. Тебе придётся обращаться ко мне на «ты».

– Это ещё почему?

– Где ты видела, чтобы рядовые инспекторы обращались друг к другу на «вы»? А ну, скажи мне «ты».

Малика уставилась в окно.

– Говори! – требовал Адэр. – Ну же!

– Вы взяли меня, чтобы посмеяться?

– Своими глупыми капризами ты всё испортишь.

– Я вас никак не буду называть, – отрезала Малика.

За окном проплыло стадо облезлых коров, топчущих редкую траву. За автомобилем с криками побежали мальчишки-пастухи, подкидывая в небо хлысты и фуражки. Глядя на них, Адэр смеялся и сигналил.

Впереди сквозь знойное марево проступили очертания домов. Адэр помахал сорванцам и нажал на педаль газа.

Машина ехала, похоже, по единственной улице вымершего селения, ни поворотов, ни переулков, ни души. Лачуги из глины, накрытые соломой, чередовались с развалинами. Во дворах на провисших верёвках колыхалось заштопанное бельё. Кое-где возле калиток лежали собаки, уныло опустив на лапы острые морды. На почерневших заборах сидели коты. Те и другие провожали машину тоскливыми взглядами. И запах...

– Чем это пахнет? – спросил Адэр.

– Вином.

– Я знаю, как пахнет вино.

– Кислым вином.

– Нет. Тут что-то другое.

– Выпитое кислое вино.

– Не-е-ет, – протянул Адэр. Заметив улыбку Малики, быстро закрыл окна и прижал рукав к носу. – Ну и вонь.

Улица была не одна. Проехав поворот, Адэр затормозил, сдал назад и уставился на развилку:

– Куда теперь?

Малика повертела головой. Вскинула руку:

– Смотрите!

Вдали, над лачугами, виднелась крыша: настоящая, не из соломы и фанеры, а из синей как небо черепицы. Адэр свернул на ровную, хорошо утрамбованную дорогу.

Вид за окном менялся: чем чётче вырисовывалась на фоне облаков яркая кровля, тем выше и богаче становились дома. Улицу перебежала курица с выводком. За каменными заборами загоготали гуси, загремели цепи, раздался многоголосый хозяйский лай – здесь уже было что охранять.

Машина догнала двух девушек в цветастых платьях: косы до пояса, на щеках румянец. Адэр опустил стекло:

– Не подскажите, как проехать к прииску?

Селянки переглянулись, приснули в кулачки. Одна игриво махнула рукой в обратную сторону:

– Вам туда.

Но Адэр медленно поехал вперёд, посматривая то в лобовое стекло на синюю черепицу, то в зеркало заднего вида на девушек. Поймал на себе взгляд Малики:

– Хочу посмотреть особняк. – И мысленно выругался: перед кем отчитывается?

До особняка дому было далеко, однако по меркам селения это был не дом, а дворец. Красивое добротное здание в два этажа: серый камень, большие окна, резные ставни. Что находилось во дворе – скрывал глухой забор. На скамейке возле калитки важно восседал пухлый, как взбитые сливки, мальчуган. Малец выковыривал из надкушенного ломтя колбасы сало и бросал породистым собачкам, прыгающим возле его толстеньких ножек.

Адэр развернул машину. Проезжая мимо девушек, посигналил и нажал на педаль газа.

Хрустальная люстра, сверкающий паркет, массивная мебель – всё производило приятное впечатление. Секретарь в дорогом деловом костюме развлекал рассказами об условиях работы на прииске. Малика смотрела в окно. Постукивая пальцами по лежащему на коленях блокноту, Адэр наблюдал, как девица в узком платье расставляет на столе фарфоровые чашки. Если бы в какой-либо конторе Тезара прислуга в таком наряде подавала посетителю чай, то через пять минут не было бы ни прислуги, ни конторы. Но здесь не Тезар, и с правилами приличия в этой стране вряд ли знакомы. И даже не в платье дело, а в двух каплях тёмно-фиолетового аметиста в девичьих ушках.

Когда девица и секретарь удалились, Адэр произнёс:

– У слуг слишком много денег.

Малика подошла к окну:

– Интересно, где прииск?

Дверь распахнулась, в кабинет вкатился полный человек с неохватной грудью и лежащим на ней вторым подбородком. Принеся тысячу извинений, мол, задержали служебные дела, расшаркался перед гостями. Втиснулся в кожаное кресло во главе стола. Немного поёрзав, похозяйски сложил руки на шарообразном животе:

– Огромная честь принимать у себя посланников правителя, дай ему Бог долгих лет жизни. Чем обязан?

– Расскажите, как вы распределяете долю прииска, – сказал Адэр.

Начальник вытер пухлой ладонью лоб:

– Давно не помню такого пекла в середине весны. Мне жаль, что вам пришлось трястись по ужасной дороге. Автомобиль-то новенький.

Малика перешла к другому окну:

– Где прииск?

– Не желаете чаю или чего-нибудь покрепче?

– Как вы распределяете долю прииска? – повторил Адэр.

Слова посыпались как приторно-сладкие ягоды из прохудившейся корзинки. Подбородок, вызывая омерзение, вибрировал на надутой груди. Малика и Адэр, не перебивая, слушали непрекращающуюся болтовню.

Первым устал Адэр:

- Хватит!
- Начальник проворно выбрался из кресла. Обежав стол, протянул потную ладонь:
- Рад был знакомству.
- Не сдержав брезгливую волну, Адэр скривился и повторил вопрос Малики:
- Где прииск?
- Похлопывая руками по пышным бёдрам, начальник вернулся в кресло:
- До него две мили. У меня аллергия на пыль. Как подышу, глаза слезятся. Пришлось построить контору здесь.
- Сколько у вас рабочих? – поинтересовалась Малика.
- Несколько сотен.
- Адэр открыл блокнот:
- Назовите точную цифру.
- Семь сотен.
- Адэр посмотрел в записи:
- Семьсот двадцать.
- Точно! – радостно воскликнул начальник.
- Все из вашего селения? – спросила Малика.
- Пришлых нет, все местные.
- Усевшись рядом с Адэром, Малика тихо сказала:
- В селении должно проживать как минимум три тысячи человек. Рабочие, их жёны и дети, старики. Посчитайте навскидку.
- Начальник приподнялся над креслом:
- Что посчитать?
- Семь сотен работают, – прошептала Малика, – а где остальные?
- Адэр кивнул. В память врезались безлюдные улицы, особенно запомнился запах мочи.
- Покажите ведомости за последние полгода.
- Ведомости хранятся в сейфе. У бухгалтера сегодня выходной.
- Поехали за ключом от сейфа, – сказал Адэр и направился к выходу.
- Начальника выдуло из кресла. Он подлетел к двери, прижался к ней спиной:
- Я вспомнил, где бухгалтер прячет ключ. – И выскочил из кабинета.
- Адэр вновь занял место за столом.
- Думаете, подставные лица? – спросила Малика.
- Уверен. Как всё глупо! В Тезаре, чтобы уличить кого-то в воровстве или подлоге, трудится армия следователей и дознавателей. А здесь – вора выдаёт внешний вид. Как такой глупый человек может управлять прииском? Куда смотрят рабочие?
- Рабочие боятся потерять работу.
- Он не хозяин прииска. Прииск принадлежит государству.
- Малика хотела что-то сказать, но промолчала.
- Начальник вернулся с пустыми руками. Семенящей походкой подошёл к Адэру, вытер ладони о штаны:
- Можно вас на пару слов?
- Говорите.
- Начальник задышал Адэру в ухо, обдавая запахом лекарств:
- Простите, я забыл, как вас зовут.
- Яр.
- Яр, только вы поймёте меня. Как мужчина мужчину. Жена, дети – это рутина. А молодому, полному сил мужчине нужно вдохновение. Вы понимаете, о чём я говорю?
- Понимаю.

– А вдохновение дорого стоит, – произнёс начальник и бессильно поник, будто трава, побитая дождём.

– Я всё понимаю, – сказал Адэр и поднялся. – Едем на прииск.

Автомобиль остановился возле серого здания, больше похожего на тюрьму, чем на проходную прииска. Малика с необъяснимым страхом посмотрела на окна за толстыми решётками, на массивную железную дверь без ручки, зато с отверстием-глазком. В обе стороны от здания тянулся без единого просвета бетонный забор с несколькими рядами колючей проволоки на вбитых наискосок штырях. На покато́й крыше проходной сверкал в лучах солнца громоотводный шпиль.

– Ты идёшь? – спросил Адэр у Малики.

Боясь передумать, она открыла дверцу. Сзади то ли вздохнул, то ли всхлипнул начальник.

– А ты сиди, – бросил Адэр через плечо.

В ответ послышалось невнятное бормотание и шмыганье носом.

Они поднялись на крыльцо. Адэр несколько раз ударил в дверь кулаком.

Малика посмотрела на тёмное, будто чем-то заклеенное с обратной стороны, круглое отверстие и прошептала:

– За нами наблюдают.

В подтверждение слов темнота за глазком всколыхнулась, на миг впустив в себя лучик света. Видимо, сменился наблюдатель.

– Кто такие? – как из бочки раздался голос.

Адэр поднёс к отверстию-глазку предписание о проверке прииска.

– Без начальника не пущу, – прозвучало после непродолжительной заминки.

– Ладно, – еле слышно проговорил Адэр, – будь по-твоему.

Вытащил из машины трясущегося начальника, подтолкнул к глазку. Загрохотал засов, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы явить взору нечёсаного охранника с обрюзгим лицом и крошками хлеба в кудлатой бороде.

– Девицам сюда нельзя.

Малика боролась с желанием нырнуть в автомобиль и сжаться испуганным воробышком, чтобы её никто не видел и не слышал. Но боязнь оставить Адэра одного взяла верх.

– Я Малика Латаль. Моё имя есть в предписании.

– Да ну? А как начальник на это смотрит?

Адэр толкнул толстяка в спину, тот часто закивал, издавая неразборчивые звуки. За дверью посовещались, бородач посторонился. Малика вслед за Адэром и начальником вошла в здание и только тогда поняла, насколько был прав охранник.

Проходная представляла собой узкое, длинное, с низким потолком помещение, освещённое белыми лампами. Вдоль одной стены стояли в ряд скамейки; на них лежало тряпье. Несколько человек ощупывали нечто похожее на штаны и рубахи: тонкие пальцы со знанием дела перебирали складки, сгибы и швы.

Возле противоположной стены... Малика ахнула и отвернулась. Там толпились обнажённые мужчины, прикрывая руками то место, где сходятся ноги.

– Я ж говорил: девицам сюда нельзя, – сказал охранник.

– Потерпит, – отозвался Адэр. – Что за люди?

– Ночная смена.

– Так уже обед.

– Всё по инструкции. Сначала слабительное. Пока действует – обыск.

Послышались неторопливые, как на прогулке, шаги. Это Адэр. Стук его каблучков Малика могла бы узнать среди сотен звуков.

«Какие камни добываете?» – «В основном жадеит, немного аметиста и малость александрита». – «Что нашли за смену?» – «Ничего». – «Совсем ничего?» – «Вот промоем их, окаянных, может, что-нибудь найдём».

Малика повернула голову. Адэра не увидела, зато заметила два стола и сейф между ними. За одним столом под невыносимо яркой настольной лампой сидел человек с круглым стёклышком в глазу и рассматривал Малику. За другим столом что-то выводил в тетради учётчик: на шее накрахмаленный, в прошлом белый воротничок, на локтях протёртые нарукавники.

За спиной продолжалась беседа: «Воруют?» – «Воруют, мать их так! И в уши заталкивают, и глотают, и... да-да, туда тоже».

Вновь шаги Адэра.

«Э-э! Господин! Туда нельзя!» – «Что там?» – «Там из них слабительное выходит». – «Сколько рабочих на прииске?» – «А бес его знает. Вы у начальника спросите». – «Человек семьсот будет?» – «Смеётесь? Может, триста, а может, меньше».

– Малика, идём!

Глядя в бетонный пол, она поплелась за Адэром и начальником. Краем глаза видела опухшие колени рабочих, их стопы в узлах и шишках. Выйдя из проходной, подняла голову. Выдохнула и не смогла себя заставить сделать вдох. Адэр прижал к носу рукав.

– Туда? – глухо спросил он у толстяка и, не дожидаясь ответа, толкнул его в сторону огромного бака, стоявшего вертикально на металлических опорах. – Малика! Не отставай.

Вокруг, куда ни глянь, пустошь, огороженная забором. Чем дальше они отходили от здания, тем нестерпимее становился запах, словно прииск был спрятан не только от внешнего мира, но и от свежего воздуха. Адэр уже зажимал нос и рот ладонями.

Они приблизились к вбитым в землю железным цилиндрам с длинными ручками и шлангами, которые тянулись к верхней части бака. Увидев выходящую из его днища запотевшую трубу, Малика сообразила: в баке вода, которую качают с глубины с помощью этих непонятных устройств. Здесь же находился самодельный душ с бочкой для сбора дождевой воды – такой же был у них с Муном на заднем дворе дома.

Толкая перед собой начальника, Адэр шёл вдоль проложенной поверх земли гибкой трубы. Толстяк то и дело вытирал ладони о штаны и шмыгал носом. Чтобы не видеть мокрую от пота рубашку на его полукруглой, как грудь, спине, Малика прибавила шаг.

Адэр схватил её за локоть:

– Смотри под ноги.

Она опустила глаза. Совсем уж внезапно появился в земле провал: тесный, не очень глубокий. Вниз бежала узкая тропинка, выдолбленная в каменной стене, и скрывалась в расщелине. Туда же тянулась труба. Возле входа на плоском пяточке, отполированном сотнями ног, из железной корзины торчали факелы. Стены, тропинка – в изломах и трещинках – казались зыбкими, непрочными.

Зажимая нос, Адэр долго смотрел в яму. По его виду было понятно: идёт борьба с каким-то страхом.

– Пойдёмте обратно, – сказала Малика. – Всё, что надо, мы увидели.

Адэр поставил ногу на тропинку, поводил подошвой сапога по камню.

И тут начальник прииска выплюнул – не уныло сказал, не промычал, – именно выплюнул как оскорбление:

– Сапоги дорогие. Жалко.

– Стойте здесь, – приказал Адэр и начал осторожно спускаться по дорожке, ведя одной рукой по стене, а второй зажимая нос.

Несколько раз поскользнулся – идти босиком было бы намного безопаснее. Наконец ступил на пяточок перед входом в пещеру. Ругнувшись, зажёл факел (пришлось убрать ладонь от носа) и скрылся во мгле.

Сколько его не было: десять минут, полчаса? Каждая секунда тянулась невыносимо долго. Малика ходила вдоль обрыва, не отрывая взора от расщелины. Оглянулась. Толстяк, словно подхваченный шквальным ветром мяч, катился к проходной.

– Стой!

У мяча замелькали пятки.

– Адэр! – позвала Малика, глядя в яму. Не услышав ответа, что есть мочи заорала: – Яр!

Выскочив из темноты, Адэр отбросил горящий факел и взлетел по дорожке. Согнувшись, упёрся руками в колени.

– Он... – Адэр поднял голову, и Малика умолкла на полуслове, увидев мертвенно-белое лицо, неестественно круглые глаза и обескровленные губы. Выдавила из себя: – Что там?

Адэр вновь опустил голову. Его вырвало прямо на облепленные глиной сапоги. Помчался к душе. Привалился плечом к деревянной шаткой стойке. Его снова вырвало. Долго крутил кран, изрыгая проклятия. Постучал по бочке. Она загремела – пустая.

– Что там? – подбежав, спросила Малика.

Адэр понёсся к проходной, выкрикивая:

– За мной! Быстрей!

Они вбежали в здание. Возле скамеек одевались рабочие. В дальнем углу столпились охранники. Адэр растолкал их. Взору предстал сидящий на стуле начальник.

– Я не хотел...

Адэр нанёс ему сильный удар кулаком в нос. Толстяк вместе со стулом завалился навзничь и, взвывая, закрыл руками окровавленное лицо. Никто не успел опомниться, как Адэр ударил сапогом в бок. Начальник скрутился и закричал.

Малика схватила Адэра за рубаху:

– Яр! Не надо!

Охранники вцепились в Адэра и потащили в сторону, но он извернулся и заехал кулаком толстяку в ухо. Крик начальника оборвался.

Пока толстяка приводили в чувство, Малика вышагивала взад-вперёд вдоль скамей, за которыми спрятались полубнажённые рабочие. Попыталась разбудить себя стуком башмаков по бетонному полу.

Выпустив инспекторов и начальника из проходной, охранник быстро закрыл дверь и проскрежетал щеколдой.

Малика стояла возле машины, поглядывая то на дверь, которую даже под страхом смерти вряд ли откроют, то на пустошь. Куда бежать, где искать спасения, если в Адэре вновь проснётся зверь? Ноги ватные, в голове туман – далеко не убежишь.

Адэр кинул начальнику ветошь:

– Только попробуй запачкать салон.

Начальник забрался на заднее сиденье, забился в уголок и уткнулся лицом в тряпку.

Адэр вытащил из багажника канистру. Вылил на себя воду, встряхнул волосами. Водой из второй канистры окатил сапоги. Достал бутылку вина. Плеснул на разбитый кулак, прополоскал рот. Сделал несколько больших глотков и протянул бутылку Малике:

– Пей!

– Зачем?

– Пей!

Малика попятилась:

– Не буду.

Сверкнув глазами, Адэр схватил её за руку:

- Пей, а то залью!
Малика сделала глоток, закашлялась.
– Неужели ты никогда не пила вино?
Она отрицательно покачала головой:
– Никогда.
– Так надо, Малика, так надо, – с неожиданной усталостью проговорил Адэр. – Не дай бог подцепить заразу.
– Что вы там видели?
Он допил вино и выдохнул:
– Рабов. – Кивком указал на проходную. – Я их здорово напугал.
– Вы меня напугали. Нельзя так. Не пристало правителю кулаками махать.
– Я инспектор. – Закинув руки за голову, Адэр потянулся до хруста в костях. – Впервые в жизни обычный человек.
– А если бы вас ударили? Или накинулись скопом?
– Об этом я не подумал, – признался Адэр и, закрыв багажник, сел за руль.

~ 3 ~

Машина медленно катила по улице, на которой проживали зажиточные селяне. Адэр на долю секунды притормаживал возле каждого дома и смотрел в зеркало заднего вида на начальника, сидевшего с потерянной миной. Малика разглядывала свои руки, сложенные на коленях, и тяжело вздыхала.

Адэр притормозил перед домом с крышей из синей черепицы. Стоя возле калитки, пухлый мальчуган в этот раз держал лопоту пирога. Начальник не пошевелился.

Малец приблизился к автомобилю, улыбнулся Адэру. Глянув ему за спину, прошептал:
– Папа?

Начальник запричитал, размазывая по лицу кровь, сопли и слёзы. Малика затолкала под себя дрожащие ладони.

Адэр свернул на перекрёстке и повёл машину между неухоженными огородами с одной стороны и различными заведениями с другой стороны. За окном проплывали постоянный двор, трактир, рынок с пустыми прилавками, белое здание банка. Объявление на двери гласило: «Только для прииска». Толкаясь в очереди перед продуктовым магазином, бабы кричали и ожесточённо размахивали руками. На пару секунд умолкли, заметив автомобиль, и вновь разразились ругательствами.

Адэр заглушил двигатель возле дома с вывеской: «Охранительный участок». На крыльцо вышел молодой вихрастый человек в тёмно-зелёной форме стража порядка; на клапане нагрудного кармана поблёскивал жетон.

Даен, так представился хозяин участка, провёл посетителей в дом. Две смежные комнаты были разделены решётчатой дверью с навесным замком.

– Мой кабинет и камера, если надо, – сказал Даен, указывая на полутёмную комнату за решёткой. – Стол, стулья вынес, замок чик, и готово. Но там нет окна, а на генератор нет денег. Может, сядем здесь, в приёмной?

Адэр толкнул начальника в спину:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.